

Уникальный роман-загадка.

STYLIST

СЕМЬ
СМЕРТЕЙ
ЭВЕЛИНЫ
ХАРДКАСА

СТЮАРТ ТЁРТОН

Стюарт Тёртон
Семь смертей Эвелины Хардкасл

Stuart Turton
The Seven Deaths of Evelyn Hardcastle

Copyright © Stuart Turton, 2018

Endpapers art © Emily Faccini, 2018

© А. Питчер, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

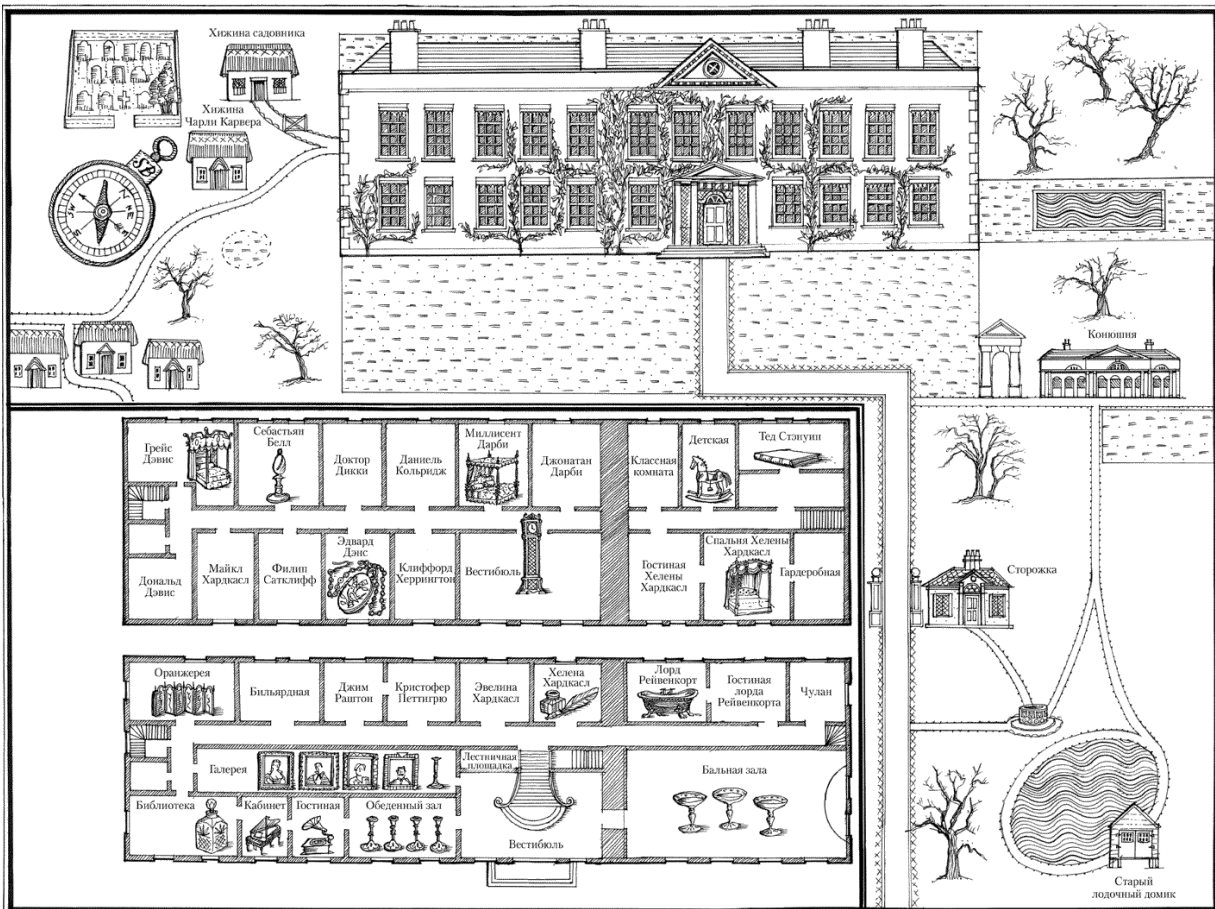
Издательство АЗБУКА®

* * *

Моим родителям, которые дали мне все и не просили ничего.

Моей сестре, первому и самому взыскательному читателю, от шмелей и так далее.

И моей жене, чья любовь, поддержка и требования периодически отрываться от клавиатуры сделали эту книгу тем, на что я и не смел надеяться.

*Приглашаем вас
на бал-маскарад*

в Блэкхит-хаус, имение семейства Хардкасл,

*где вам окажут самый радушный прием
лорд Питер Хардкасл и леди Хелена Хардкасл,
а также
их сын Майкл Хардкасл,
их дочь Эвелина Хардкасл.*

В числе гостей:

*Эдвард Дэнс, Кристофер Петтигрю и Филип Сатклифф, адвокаты
семейства,*

*Грейс Дэвис и ее брат Дональд Дэвис, светские особы,
капитан Клиффорд Харрингтон,
отставной офицер военно-морского флота,
Миллисент Дарби и ее сын Джонатан Дарби, светские особы,
Даниель Кольридж, профессиональный игрок,
лорд Сесил Рейвенкорт, банкир,
Джим Раштон, констебль,
доктор Ричард (Дикки) Эккер,
доктор Себастьян Белл,
Тед Стэнуин.*

Слуги:

*Роджер Коллинз, дворецкий,
миссис Драдж, повариха,
Люси Харпер, старшая горничная,
Альф Миллер, конюх,*

*Грегори Голд, художник-реставратор,
Чарльз Каннингем, камердинер лорда Рейвенкорта,
Мадлен Обэр, камеристка Эвелины Хардкасл.*

*Гостей просят воздержаться от разговоров
о Томасе Хардкасле и Чарли Карвере,
дабы не расстраивать хозяев
напоминанием о трагических событиях.*

1

День первый

Делаю шаг и тут же все забываю.

Выкрикиваю: «Анна!» – и удивленно закрываю рот.

В голове пусто. Не знаю, кто такая Анна и зачем я ее зову. Не знаю даже, как я сюда попал. Стою посреди леса, прикрывая глаза рукой от морозящего дождя. Сердце колотится, от меня несет потом, ноги дрожат. Наверное, я бежал, но не помню куда.

– Как... – Я осекаюсь, заметив свои руки. Костлявые, уродливые. Чужие. Я их совсем не узнаю.

Охваченный приступом внезапного страха, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь о себе: имена родных и близких, домашний адрес, свой возраст, да что угодно. Бесполезно. Не помню даже, как меня зовут. За миг все, что я знал, вылетело из головы.

Горло перехватывает, дышу прерывисто, хрипло. Лес кружит, перед глазами мелькают черные пятна.

«Успокойтесь».

– Не могу вздохнуть, – сиплю я, оседая на землю; пальцы впиваются в грунт, в ушах гудит.

«Можете. Для начала успокойтесь».

Внутренний голос звучит уверенно, подбадривает:

«Закройте глаза, слушайте лес. Возьмите себя в руки».

Повинуясь голосу, закрываю глаза, слышу только свое прерывистое дыхание. Оно заглушает все остальное, но я медленно, осторожно проделываю дырочку в страхе, подпускаю к себе посторонние звуки. По листьям стучат дождевые капли, над головой шелестят ветки. Справа от меня журчит ручей, в кронах деревьев кричат вороны, хлопают крыльями, взлетая в небеса. В траве что-то шуршит, где-то совсем рядом прыгает кролик. Я сплетаю нити воспоминаний, одно за другим, кутаюсь в пятиминутное полотно прошлого. Ненадолго отгоняю страх.

Неуклюже встаю, невольно удивляясь своему росту, – я такой высокий, земля так далеко. Пошатнувшись, стряхиваю с коленей мокрую листву, впервые замечаю, что на мне фракная пара, белая сорочка перепачкана грязью, залита красным вином. Наверное, я был на званом ужине. В карманах пусто, я без пальто. Значит, ушел недалеко. Это хорошо.

Похоже, светает. По-видимому, я бродил здесь всю ночь. Фракную пару не надевают те, кто собирается провести вечер в одиночестве, так что мое отсутствие наверняка уже заметили. Где-то там, за деревьями, скорее всего, стоит дом, его обитатели просыпаются, поднимают тревогу, отправляют людей на поиски. Я вглядываюсь в лесные заросли, смутно надеюсь увидеть, как из-за кустов выходят друзья, хлопают меня по плечу и мы, перешучиваясь, возвращаемся домой. Увы, мечты не выведут из леса, бесполезно сидеть и ждать, пока меня отыщут. Меня пробирает дрожь, зубы стучат. Надо двигаться хотя бы для того, чтобы согреться, но вокруг одни деревья. Неизвестно, куда идти, в какой стороне меня ждет спасение.

В растерянности я обращаюсь к последнему действию того, кем я был:

– Анна!

Очевидно, именно из-за нее я оказался в лесу. Вот только я не в состоянии ее представить. Может, она моя жена? Или дочь? Нет, не похоже, но имя чем-то притягивает. Для меня она явно с чем-то связана.

– Анна! – отчаянно, безнадежно зову я.

– Помогите! – откликается женщина.

Я резко оборачиваюсь на голос. Перед глазами все плывет, но вдали за деревьями мелькает фигура женщины в черном. Спустя несколько секунд через кусты ломится ее преследователь.

– Эй, стой! – кричу я, но мой слабый голос еле слышен за топотом ног.

От неожиданности застываю на месте. Они почти скрываются из виду, и тут я бросаюсь следом с быстротой, поразительной для

ноющего, усталого тела. Увы, я не могу их нагнать.

Обливаюсь потом, ноги не держат, подгибаются, вконец отказывают – и я шлепаюсь в грязь. Копшусь в палой листве, с трудом встаю и снова слышу, как по лесу разносится заполошный крик. Его обрывает выстрел.

– Анна! – отчаянно зову я. – Анна!

В ответ звучит угасающее эхо пистолетного выстрела.

Тридцать секунд. Вот как долго я мешкал после того, как заметил ее в первый раз. Вот на каком расстоянии от нее находился. Тридцать секунд замешательства, тридцать секунд полного бездействия.

Замечаю под ногами толстый сук, поднимаю, замахиваюсь для пробы. Увесистый, с грубой корой, он придает мне уверенности. Разумеется, обломанная ветка, даже толстая, не защитит от пистолета, но все же лучше бродить по лесу с ней, чем с пустыми руками. Я все еще с трудом перевожу дух, все еще дрожу после недолгой пробежки, но чувство вины влечет меня туда, откуда слышался крик Анны. Я стараюсь не шуметь, осторожно отвожу низко нависшие ветви, ищу то, что видеть совсем не хочется.

Слева от меня хрустит ветка.

Затаив дыхание, я напряженно вслушиваюсь.

Хруст звучит снова, шуршит листва, трещит хвост под ногами. Меня обходят сзади.

Кровь застывает в жилах, я замираю. Боюсь оглянуться.

Шорох все ближе, за спиной дышат – ровно, неглубоко. У меня снова подгибаются ноги, сук падает на землю.

Я бы взмолился, но не помню слов.

Теплое дыхание щекочет шею. Пахнет спиртным, сигаретами, немывтым телом.

– На восток, – хрипло произносит мужской голос.

Неизвестный сует мне в карман что-то тяжелое.

И уходит. Шаги удаляются в чащу. Я обмякаю, прижав лоб к земле, вдыхаю запах прелой листвы и перегноя. По щекам катятся слезы.

Облегчение удручает, трусость угнетает. Я побоялся даже взглянуть на своего мучителя. Что я за человек такой?

Через несколько минут страх отпускает, ко мне возвращается способность двигаться, и я в полном изнеможении прислоняюсь к дереву. Подарок убийцы оттягивает карман. Дрожа от ужаса, я запускаю туда руку, вытаскиваю серебряный компас.

– Ой! – удивленно восклицаю я.

Стекло с трещиной, корпус в царапинах, на нем выгравирован вензель «СБ». Не знаю, что он означает, но слова убийцы становятся понятны. По компасу мне нужно на восток.

Я виновато гляжу на лес. Труп Анны где-то неподалеку, но, если я его отыщу, что сделает убийца? Мне страшно. Может быть, я остался в живых потому, что не обнаружил тела. Стоит ли и дальше полагаться на милосердие злодея?

«Если это и впрямь милосердие».

Я долго смотрю на подрагивающую стрелку компаса. Сейчас я мало в чем уверен, но твердо знаю, что убийцам милосердие несвойственно. Убийца ведет какую-то непонятную игру, его советам веры нет, но если я не последую этому совету, то... Я снова оглядываю лес. Куда ни посмотри, везде деревья, без конца и края, под небом, полным злобы.

«Это ж как надо заплутать, чтобы положиться на дьявола в поисках дороги домой?»

А вот так, решаю я. Так, как я заплутал.

Я отстраняюсь от ствола, кладу компас на раскрытую ладонь. Стрелка рвется на север. Я поворачиваюсь на восток, против ветра и холода, против целого мира.

Надежда меня оставила.

Я слепец в чистилище, куда меня привели незримые грехи.

2

Ветер воет, ливень усиливается, струи дождя хлещут деревья, отскакивают от земли, заливают лодыжки, а я иду по компасу.

В сумраке замечаю яркое пятно, бреду к нему. К дереву прибит красный носовой платок, след какой-то давней детской игры. Ищу еще один, нахожу через несколько шагов, а потом вижу и третий. В сумраке бреду от одного к другому и наконец выхожу из леса на опушку, точнее, к величественному георгианскому особняку из красного кирпича, увитому плющом. Судя по всему, особняк заброшен. Подъездная аллея заросла сорняками, прямоугольные лужайки по обе стороны превратились в топи, цветочные бордюры завяли.

Пытаюсь обнаружить хоть какие-то признаки жизни, оглядываю темные окна и наконец замечаю слабый отсвет на втором этаже. Мне чудится, что я наткнулся на какое-то спящее чудовище, огромное и ужасное, а мерцающий свет в окне – ровное биение его сердца. Может быть, убийца подарил мне компас для того, чтобы отправить меня прямо в зловещую пасть?

Вспоминаю об Анне, через силу делаю первый шаг. Она рассталась с жизнью из-за моего тридцатисекундного замешательства, а теперь я снова в нерешительности. Нервно сглатываю, смахиваю с лица дождевики, пересекаю лужайку, поднимаюсь по выщербленным ступенькам к входной двери. С детским нетерпением колочу в нее, трачу последние силы на стук. В лесу свершилось ужасающее злодеяние, но преступника еще можно изловить, если мне удастся разбудить обитателей особняка.

А у меня ничего не получается.

Бьюсь в дверь до изнеможения, но ее не открывают.

Приложив ладони к лицу, поочередно прижимаюсь носом к высоким окнам по обе стороны двери, но витражи покрыты слоем грязи, так что внутри можно разглядеть лишь желтоватые пятна.

Стучу по стеклам ладонью, возвращаюсь к парадной двери, пытаюсь сообразить, как попасть в дом. И тут вижу ржавую цепочку дверного звонка, увитую плетью плюща. Выпутьваю цепь, дергаю изо всех сил и продолжаю дергать, пока не замечаю какое-то движение за окнами.

Дверь открывает заспанный тип наистраннейшей наружности, и несколько секунд мы стоим, ошеломленно разглядывая друг друга. Кособокий коротышка изуродован ожогами, жуткие шрамы покрывают половину лица. Просторная пижама болтается на нем как на вешалке, а на кривые плечи накинута ветхий бурый шлафрок. В этом создании почти нет ничего человеческого, словно он последний представитель какой-то исчезнувшей ветви нашего эволюционного древа.

– Ох, бога ради, помогите, – говорю я, приходя в себя.

Он смотрит на меня, разинув рот.

– У вас есть телефон? – спрашиваю я. – Надо позвонить в полицию.

Никакой реакции.

– Да не стойте же столбом! – кричу я, встряхиваю его за плечи, протискиваюсь в вестибюль и сам невольно раскрываю рот от изумления.

Здесь все блестит и сверкает, в шахматных плитках мраморного пола отражается хрустальная люстра с десятками свечей. По стенам развешаны зеркала в тяжелых рамах, широкая лестница с замысловатыми перилами ведет к галерее второго этажа, по ступеням стекает узкая ковровая дорожка, алая, как кровь убитого зверя.

В дальнем конце комнаты хлопает дверь, из глубины особняка появляется вереница слуг, человек пять или шесть, с охапками розовых и лиловых цветов, аромат которых перебивает запах растопленного воска. Оживленная болтовня стихает, как только слуги видят запыхавшийся кошмар у входа. Один за другим они

поворачиваются ко мне, затаив дыхание. Воцарившуюся тишину нарушает только звук воды, льющейся с моей одежды на чистый пол.

Кап.

Кап.

Кап-кап.

– Себастьян?

Импозантный блондин в крикетном джемпере и льняных брюках сбегает по лестнице, перепрыгивая через две ступени за раз. Он чуть старше пятидесяти, но возраст делает его не усталым и изможденным, а лишь немного потрепанным – сказывается привычка к излишествам. Не вынимая рук из карманов, он устремляется ко мне. Перед ним поспешно расступаются слуги, но он их как будто не замечает, не сводит с меня глаз.

– Дружище, что с вами? – спрашивает он, участливо наморщив лоб. – Когда мы...

– Немедленно вызывайте полицию, – говорю я, хватая его за руку. – Анну убили.

Слуги взволнованно перешептываются.

Он недоуменно смотрит на меня, косится на слуг, которые потихоньку подходят ближе, негромко повторяет:

– Анну?

– Да, Анну. За ней гнались.

– Кто?

– Кто-то в черном. Надо вызвать полицию!

– Да-да, конечно. Но сначала давайте поднимемся к вам в комнату, – ласково предлагает он и подталкивает меня к лестнице.

Перед глазами все плывет, то ли из-за того, что в доме жарко натоплено, то ли от облегчения при виде дружелюбного лица; крепко держась за перила, я нетвердыми шагами поднимаюсь по ступенькам.

На лестничной площадке нас встречают высокие напольные часы; механизм проржавел насквозь, секунды осели пылью на маятнике.

Оказывается, что утро уже далеко не раннее, почти половина одиннадцатого.

От лестницы коридор простирается в обе стороны, в противоположные крылья дома, но вход в восточное крыло перекрывает бархатная портьера, наскоро приколоченная к потолку; к портьере пришпилено объявление «Ремонтные работы».

Мне не терпится рассказать об ужасном утреннем происшествии, и я снова завожу речь об Анне, но мой добрый самаритянин таинственно качает головой, требуя молчания.

– Проклятые слуги за полминуты разнесут по дому сплетни, – поясняет он сдавленно и глухо, будто сквозь стену. – Лучше поговорим наедине.

Он обгоняет меня на два шага, но я еле держусь на ногах и не успеваю за ним.

– Дружище, да на вас лица нет! – восклицает он, заметив, что я отстаю.

Он приобнимает меня, ведет дальше, ладонь лежит на спине, пальцы касаются позвонков. В простом жесте ощущается настоящее нетерпение. Он подталкивает меня вперед, мы идем по сумрачному коридору со спальнями по обе стороны; в них прибираются горничные. От запаха краски слезятся глаза, – похоже, стены недавно красили – еще одно свидетельство поспешных ремонтных работ. Полы кое-где натерты мастикой, устланы коврами, чтобы приглушить скрип рассохшихся досок. Высокие спинки кресел прикрывают трещины в стенах, а картины и фарфоровые безделушки отвлекают взгляд от выщербленных лепных карнизов. Впрочем, все попытки скрыть разруху и запустение остаются безуспешными. Под коврами – руины.

– А вот и ваша спальня! – Мой спутник распахивает дверь в конце коридора.

Струя холодного воздуха ударяет в лицо, я немного прихожу в себя, но мой спутник решительно направляется к открытому окну, чтобы опустить створку. Я вхожу в уютную комнату, где в самом

центре красуется роскошная кровать с балдахином, царственное величие которой несколько портят обвисшие складки ветхого полога, расшитого облезлыми птицами. В левом углу комнаты стоит складная ширма, сквозь щели между створками виднеется чугунная ванна. Спальня обставлена скудно; из прочей мебели – прикроватная тумбочка, буфет и платяной шкаф у окна, все растрескавшиеся и обшарпанные. Из личных вещей здесь только зачитанная до дыр Библия короля Иакова в обтрепанном переплете; она лежит на прикроватной тумбочке.

Пока мой добрый самаритянин сражается с разбухшей оконной рамой, я подхожу к нему, выглядываю в окно, и мысли моментально путаются. Особняк стоит в густом лесу, в плотном зеленом покрове нет прорех – ни деревеньки, ни дороги. Без компаса, без милосердия убийцы я никогда не добрался бы до особняка, а сейчас не могу отделаться от ощущения, что меня заманили в западню. Если злодей убил Анну, а меня оставил в живых, значит у него есть какие-то далекоидущие планы. Но что ему от меня нужно? Почему он не расправился со мной в лесу?

Мой спутник наконец опускает створку окна, жестом приглашает меня сесть в кресло у зажженного камина, вручает мне белое полотенце из шкафа и, присев на краешек кровати, закидывает ногу на ногу.

– Ну, старина, а теперь рассказывайте обо всем по порядку, – просит он.

– Некогда! – Я сжимаю подлокотник кресла. – Я вам потом все расскажу, но сначала надо вызвать полицию и обыскать лес. Там прячется безумец.

Он окидывает меня любопытным взглядом, будто ищет правду в складках моей перепачканной одежды.

– К сожалению, вызвать полицию мы не сможем, телефонную связь сюда еще не провели, – отвечает он, потирая шею. – Разумеется, мы обыщем лес, а если что-то обнаружим, то пошлем

кого-нибудь из слуг в деревню. Вы не хотите переодеться? А потом покажете, где это случилось.

– Видите ли... – Я нервно скручиваю полотенце. – Это затруднительно. Я заблудился и...

– Тогда опишите убийцу. – Он поддергивает штанину, открывая щиколотку в сером носке. – Как он выглядел?

– Я не видел его лица, только черное пальто.

– А Анна?

– Она тоже была в черном. – Я осознаю, что других сведений у меня нет, и щеки обжигает жаром. – И... в общем, мне известно только ее имя.

– Простите, Себастьян, я думал, вы с ней знакомы.

– Нет-нет... – бормочу я. – Ну, то есть, может быть. Я не уверен.

Мой добрый самаритянин, свесив руки с коленей, со смущенной улыбкой подается вперед:

– Погодите-ка, я что-то не пойму. Вы знаете, как ее зовут, но не уверены, что...

– Да у меня память отшибло, черт побери! – восклицаю я, сбрасывая с плеч тяжелый груз признания. – Даже своего имени не помню, и как зовут друзей – тоже не знаю.

Его глаза скептически поблескивают. Впрочем, ничего удивительного; для меня самого все это звучит нелепо.

– Но память не имеет отношения к тому, что я видел, – настаиваю я, цепляясь за обрывки правдоподобия. – Я видел, как за женщиной кто-то гнался, она закричала, но выстрел оборвал крик. Надо обыскать лес!

– Понятно, – вздыхает он, стряхивая пылинку со штанины; следующие слова он подбирает медленно, осторожно, как будто предлагает их мне: – А может быть, вы столкнулись с влюбленной парочкой? Вдруг они затеяли какую-то игру в лесу, а звуком выстрела мог быть треск обломанной ветки. Или стреляли из стартового пистолета? Из ракетницы?

– Нет, что вы, женщина звала на помощь. Она была напугана! – Я взволнованно вскакиваю с кресла, отбрасываю грязное полотенце.

– Да-да, разумеется, – успокаивает он, глядя, как я мечусь по комнате. – Я вам верю, дружище, но полиция во всем требует точности. Да и потом, полицейские любят выставлять на посмешище людей из светского общества.

Я беспомощно гляжу на него, чувствуя, что тону в море банальностей. Внезапно вспомнив о компасе, я вытаскиваю его из кармана; компас заляпан грязью, приходится стереть ее рукавом.

– Убийца дал мне вот это. Сзади на корпусе – вензель, – указываю я дрожащим пальцем.

Сощурившись, он методично осматривает компас, крутит его в пальцах.

– «Эс Бэ», – медленно произносит он, глядя на меня.

– Да!

– Себастьян Белл. – Он умолкает, заметив мою растерянность. – Это ваши инициалы, Себастьян. Вас зовут Себастьян Белл. Это ваш компас.

Я открываю рот, но не издаю ни звука.

– Может быть, я его потерял. А убийца нашел.

– Все может быть, – кивает он.

Его доброта меня убивает. Он наверняка думает, что я полоумный пьяный дурак, который всю ночь плутал по лесу, а под утро заявился домой и теперь несет всякий бред. Самое страшное, что он меня ни в чем не упрекает, а наоборот, жалеет. Гневные упреки весомы и осязаемы, их можно опровергнуть, хотя бы и кулаками. А вот жалость – туман, в котором сразу теряешься.

Я падаю в кресло, сжимаю виски. По лесу бродит убийца, но я не могу убедить собеседника в грозящей нам опасности.

«Убийца, который показал вам дорогу домой».

– Я точно знаю, что именно я видел, – настаиваю я.

«Вы даже не знаете, кто вы такой».

– Разумеется, – произносит мой спутник, не понимая причины моего заявления.

Я смотрю в никуда, думаю о женщине по имени Анна, которую убили в лесу.

– Послушайте, вы пока отдохните. – Он встает. – А я пока узнаю, все ли на месте. Может быть, что-нибудь прояснится.

Он говорит благожелательно, но равнодушно. Доброта добротой, но мне он не верит, а значит, его расспросы ни к чему не приведут. Вот сейчас дверь за ним закроется, он для порядка обратится к прислуге, а тело несчастной Анны так и останется в лесу.

– Я видел, как убивают женщину. – Я устало поднимаюсь с кресла. – Я не смог ее спасти. Поэтому теперь обязан найти доказательства, даже если для этого придется обыскать весь лес.

Он пристально смотрит на меня, и моя неколебимая уверенность несколько развеивает его сомнения.

– И откуда вы собираетесь начать? – спрашивает он. – Вокруг тысячи гектаров леса, и даже из самых лучших побуждений у вас сейчас ничего не выйдет – вас ноги не держат. Все равно эта ваша Анна уже умерла, ее убийца бежал. Подождите часок, я подниму людей на поиски и расспрошу прислугу. Кому-то должно быть известно, кто эта женщина и откуда взялась. Честное слово, мы ее отыщем, вот только сделать это надо без спешки, как полагается. – Он похлопывает меня по плечу. – Вы согласны? Подождете часок?

Я порываюсь возразить, но понимаю, что он прав. Мне надо отдохнуть, восстановить силы и, хотя смерть Анны тяжким грузом лежит на моей совести, одному возвращаться в лес не хочется. Я ведь и сам чудом спасся.

Я соглашаюсь, сокрушенно киваю.

– Спасибо, Себастьян, – говорит он. – Вам уже готовят ванну. Приведите себя в порядок, а я тем временем пошлю за врачом и велю своему камердинеру подобрать вам одежду. Отдохните, а к обеду встретимся в гостиной.

Надо бы узнать у него, что это за особняк и почему я здесь, но сейчас важнее другое: чем быстрее он всех расспросит, тем быстрее начнутся поиски. Однако же меня волнует кое-что еще, и, пока я подбираю слова, он уже открывает дверь.

– А здесь есть кто-нибудь из моих родственников? – спрашиваю я. – Наверное, они волнуются...

Он участливо глядит на меня с порога:

– Вы холостяк, старина. И родственников у вас нет, если не считать какой-то престарелой тетушки, которая обещалась отписать вам свое состояние. Друзей у вас много, вот я, например, но об этой Анне я никогда не слыхал. Даже имя от вас узнал впервые.

Под моим разочарованным взглядом он смущенно отворачивается и исчезает в холодном коридоре; дверь хлопает, пламя в камине вздрагивает.

3

Холодный воздух из коридора не успевает рассеяться, как я вскакиваю с кресла, открываю ящики прикроватной тумбочки, ищу хоть какое-нибудь упоминание об Анне среди вещей: что угодно, лишь бы убедиться, что она – не порождение воспаленного ума. К сожалению, спальня упрямо молчит. Из личных вещей находится только портмоне с несколькими фунтовыми банкнотами и приглашение с золотым обрезом. На лицевой стороне – список гостей, на обороте – приписка от руки, изящным почерком:

Лорд и леди Хардкасл приглашают Вас на бал-маскарад в честь возвращения из Парижа их дочери Эвелины. Празднование состоится в имении Блэкхит-хаус, во второй уик-энд сентября. В связи с удаленностью имения экипажи будут ждать гостей в Абберли, ближайшей деревне.

Приглашение адресовано доктору Себастьяну Беллу. Лишь через несколько секунд я соображаю, что это мое имя. Действительно, мой добрый самаритянин так меня и называл, но имя на бумаге, да еще и с упоминанием моей профессии, ошеломляет еще больше. Я не ощущаю себя Себастьяном, а тем более – врачом.

Губы невольно кривятся в усмешке.

Интересно, что подумают обо мне пациенты, если я надену стетоскоп задом наперед.

Швырнув приглашение в ящик, беру в руки Библию, листаю зачитанные страницы с загнутыми уголками. Некоторые пассажи подчеркнуты, слова обведены красными чернилами, но я не могу понять почему. Я так надеялся отыскать здесь какую-нибудь зацепку, спрятанное письмо или посвящение, но никакой мудрости из Библии так и не почерпнул. Я сжимаю ее обеими руками, пытаюсь произнести молитву, проникнуться былой верой, но все напрасно.

Само занятие кажется глупым и никчемным. Религия, как и все остальное, меня покинула.

Перехожу к платяному шкафу, проверяю карманы костюмов – ничего. Зато под грудой одеял обнаруживается дорожный сундук – великолепный, старинный, с потертой кожей, перетянутой почерневшими металлическими скобами. Внушительная защелка охраняет содержимое от посторонних глаз. На ярлычке написан лондонский адрес – наверное, мой домашний, но мне он совершенно незнаком.

Я снимаю фрак, стаскиваю сундук на пол. Внутри что-то громыхает. Облегченно вздохнув, нажимаю кнопку защелки, и у меня вырывается разочарованный стон – проклятый сундук заперт на замок. Дергаю крышку раз-другой – не открывается. Снова обыскиваю ящики тумбочки, ложусь на пол и заглядываю под кровать, но там пусто, только катышки крысиного яда и пыль.

Ключа нигде нет.

Неисследованным остается угол, где стоит ванна; я, будто одержимый, вбегаю за ширму и всем телом вздрагиваю от испуга – там прячется жуткий тип с безумными глазами.

Зеркало.

Неожиданное открытие заставляет типа с безумными глазами смущенно потупиться – вместе со мной.

Делаю осторожный шаг вперед, рассматриваю себя с ног до головы, разочарованно вздыхаю. Гляжу на дрожащего, испуганного человечка, понимая, что представлял себя иначе. Не важно, как именно – выше, ниже, стройнее, толще, – но уж явно не таким невзрачным созданием. Русые волосы, карие глаза, подбородок отсутствует, лицо неприметное – с ним легко затеряться в толпе; на мне Создатель решил отдохнуть.

Отражение мне быстро надоедает. Продолжаю искать ключ от сундука, но нахожу только туалетные принадлежности и кувшин с водой. Похоже, я прежний аккуратно удалил все следы того, кем был до исчезновения. Я готов взвыть от отчаяния, но тут раздается стук в

дверь – по пяти уверенным ударам легко представить себе личность стучащего.

– Себастьян, вы здесь? – спрашивает грубоватый низкий голос. – Меня зовут Ричард Эккер, я врач. Меня попросили вас осмотреть.

Открываю дверь, первым делом вижу огромные седые усы. Потрясающее зрелище. Кончики загибаются у самых краев лица, на котором теоретически растут эти самые усы. За усами виднеется шестидесятилетний мужчина, совершенно лысый, с носом картошкой и покрасневшими глазами. От него пахнет бренди, очень весело, как будто каждый глоток радостно вливался в горло.

– Боже мой, краше в гроб кладут! – говорит он. – Это я вам как врач заявляю.

Воспользовавшись моим смятением, он переступает порог, швыряет на кровать черный саквояж и внимательно оглядывает комнату. Особенно его привлекает дорожный сундук.

– У меня тоже такой был, – вздыхает он, ласково поглаживая крышку. – Это ведь «Лаволей»? Я с ним весь Восток объездил, когда служил в армии. Говорят, французу веры нет, а вот дорожные сумки и чемоданы у них замечательные.

Он легонько пинает сундук, морщится, ударив ногу о твердую кожу.

– Вы что, кирпичи в нем таскаете? – Он вопросительно склоняет голову набок, будто ожидая ответа на свой нелепый вопрос.

– Он закрыт, – с запинкой говорю я.

– А, вы не можете найти ключ?

– Я... не могу. Доктор Эккер, я...

– Да вы не стесняйтесь, зовите меня Дикки, – предлагает он, выглядывая в окно. – Меня все так зовут. Поначалу мне не очень нравилось, а теперь уже привык. Даниель говорит, что с вами что-то стряслось.

– Даниель? – переспрашиваю я; надо же, ведь вроде бы поймал нить разговора, а она от меня снова ускользает.

– Кольридж. Это он вас утром нашел.

– Ах да, конечно.

Доктор Дикки лучезарно улыбается моему замешательству:

– Так, значит, память потеряли? Вы не волнуйтесь, на войне я часто с таким сталкивался. Через денек-другой все вернется, независимо от желания пациента.

Он жестом приглашает меня к сундуку, усаживает на крышку. Наклоняет мою голову к себе, с нежностью мясника ощупывает, хохочет, видя, что я морщусь.

– Ага, вот тут у нас замечательная шишка, – говорит он задумчиво. – Похоже, это вы вчера ночью где-то приложились. И скорее всего, из-за этого все и улетучилось, если так можно выразиться. А на что еще жалуетесь? Головная боль, тошнота, что-нибудь в этом роде?

– Голос, – с некоторым смущением признаюсь я.

– Голос?

– Да, у меня в голове. Кажется, мой собственный, только очень уверенный.

– Понятно, – тянет он. – И этот... голос, он что говорит?

– Иногда дает советы, иногда комментирует мои действия.

Дикки расхаживает у меня за спиной, дергает усы:

– А советы, как бы это сказать, полезные? Ничего из ряда вон выходящего? Он не склоняет вас к насилию? Или там к извращениям?

– Нет, что вы! – возмущаюсь я, задетый намеком.

– Вы его сейчас слышите?

– Нет.

– Травма, – внезапно заявляет он, воздев указательный палец. – Вот что это такое. Очень распространенное явление. Стоит человеку удариться головой, как начинаются странные вещи. Он видит запахи, ощущает вкус звуков или слышит голоса. Обычно все симптомы исчезают через пару дней, в крайнем случае – через месяц.

– Через месяц? – Я оборачиваюсь, гляжу на него. – И как мне целый месяц жить в таком состоянии? Может, лучше лечь в

больницу?

– Ни в коем случае. Больницы ужасны! – восклицает он. – Там в каждом углу таится смертоносная зараза, а в каждой койке прячется страшная болезнь. Лучше послушайте моего совета, сходите на прогулку, переберите свои вещи, побеседуйте с приятелями. Помнится, вчера за ужином вы с Майклом Хардкаслем лихо распили бутылку на двоих, и даже не одну. Все говорят, что вечер удался. Так вот, Майкл наверняка поможет вам все вспомнить. И поверьте, как только память к вам вернется, голос исчезнет, это я вам обещаю. – Он на миг умолкает, сосредоточенно цокает языком. – А вот с рукой и правда непорядок.

Нас прерывает стук в дверь. Я не успеваю ничего сказать, а Дикки ее уже открывает. Камердинер Даниеля принес обещанную чистую одежду. Я робею, но Дикки решительно берет у него одежду, говорит, что больше ничего не нужно, и выкладывает костюм на кровать.

– Так, на чем мы остановились? – говорит он. – Ах да, рука.

Проследив за его взглядом, я замечаю кровавые разводы на рукаве сорочки. Дикки без предупреждения задирает мне рукав, открывая жуткие глубокие порезы. Кровь уже свернулась, но мои недавние метания разбередили раны.

Дикки по одному загибает мне напряженные пальцы, достает из саквояжа бутылочку коричневого стекла и бинты, промывает порезы и смазывает их йодом.

– Себастьян, это ножевые ранения, – озабоченно замечает он; веселье и бойкость голоса куда-то исчезают. – Свежие. Похоже, вы прикрывались рукой от нападения, вот так.

Он поднимает руку на уровень лица, машет перед ней стеклянной пипеткой, будто ножом. От этого зрелища у меня мурашки бегут по коже.

– Вы помните, что случилось вчера вечером? – спрашивает он, накладывая на руку повязку – так туго, что я шиплю от боли. – Хоть что-нибудь помните?

Я мысленно возвращаюсь к пропавшему времени. Когда я очнулся, то вообще ничего не помнил, но теперь понимаю, что это не совсем так. Какие-то воспоминания остались, но очень смутные. Дотянуться до них я не могу. У воспоминаний есть вес и форма, как у зачехленной мебели в темной комнате. А у меня нет фонаря, чтобы их осветить.

Я вздыхаю, мотаю головой:

– Нет, ничего не припоминаю. Но утром я видел...

– Как убили женщину, – прерывает меня доктор. – Да, Даниель мне говорил.

В его словах сквозит сомнение, но он не бросается меня разубеждать, а просто завершает перевязку.

– Как бы то ни было, надо срочно сообщить в полицию, – замечает он. – Судя по всему, на вас напали с дурными намерениями. – Он берет саквояж, неловко пожимает мне руку. – Вам, молодой человек, необходимо совершить стратегическое отступление. Поговорите с конюхом, он отвезет вас в деревню, а там уже можно вызвать полицию. А пока будьте настороже. На выходные в Блэкхит-хаус приехали двадцать человек, и еще тридцать приглашены на сегодняшний бал. И смею заметить, на такую пакость способны многие. Если вы кого-то чем-то задели, то... – Он качает головой. – В общем, будьте осторожны.

Он уходит. Я хватаю ключ с буфета и бросаюсь запираю дверь, но руки дрожат, и ключ не сразу попадает в замочную скважину.

Всего час назад я считал, что убийца со мной играет, измывается морально, но не физически. Здесь, среди людей, я чувствовал себя в безопасности, настаивал, что мы должны отправиться на поиски Анны и ее убийцы. Теперь все изменилось. Кто-то уже покушался на мою жизнь, и я не намерен здесь задерживаться, чтобы дать злодею еще один шанс. Мертвецы не ждут, что живые возвратят им долг, так что перед Анной я повинюсь на расстоянии. Вот побеседую с добрым самаритянином в гостиной, а потом, следуя совету Дикки, поговорю с конюхом и уеду в деревню.

Мне пора домой.

4

Расплескивая воду через край ванны, быстро смываю с кожи слой грязи вперемешку с палой листвой. Внимательно разглядываю свое намытое розовое тело, ищу родинки, шрамы, что угодно, лишь бы что-то вспомнить. Через двадцать минут меня ждут на первом этаже, но об Анне я знаю не больше того, что мне было известно на ступенях крыльца Блэкхит-хауса. Биться о кирпичную стену разума – не самое приятное занятие, даже когда я считал, что это пойдет на благо поискам, но теперь мое невежество может все испортить.

Наконец я отмылся. Вода в ванне чернее черного. Я расстроено утираюсь полотенцем, осматриваю отглаженную одежду, которую принес камердинер. Костюм слишком строгий и чопорный, но, проверив содержимое платяного шкафа, я понимаю, что выбирать не из чего. В гардероб Белла – да, я все еще не сопоставляю его с собой – входит несколько одинаковых костюмов, две фрачные пары, охотничий костюм, две дюжины сорочек и несколько жилетов. Вся одежда либо серого, либо черного цвета, невзрачный мундир человека, ведущего ничем не примечательный образ жизни. Самое странное в сегодняшнем утреннем происшествии то, что этот человек подвиг кого-то на жестокий поступок.

Я быстро одеваюсь, но так нервничаю, что приходится уговаривать себя шагнуть к двери. На ходу протягиваю руку к буфету – какой-то инстинкт настаивает, что я должен положить что-то в карман, – но там пусто. Значит, на буфете обычно что-то лежало, только я не помню, что именно. Очевидно, меня преследуют старые привычки Белла, тень моей прошлой жизни. Сила рефлекса изумляет, даже странно, что в руке ничего нет. К сожалению, единственное, что я принес из леса, – проклятый компас, но теперь и он исчез. Наверное, его забрал мой добрый самаритянин, тот, кого доктор Дикки назвал Даниелем Кольриджем.

Охваченный тревогой, опасно выхожу в коридор.

Помню только утренние события, да и те не могу удержать в памяти.

Кто-то из прислуги объясняет мне, как пройти в гостиную, которая находится за обеденным залом, в нескольких комнатах от мраморного вестибюля, куда я ворвался утром. Место очень неприятное, повсюду панели темного дерева и алые портьеры, что в общем напоминает огромный гроб; угли, горящие в камине, наполняют гостиную маслянистым чадом. Здесь уже собрались человек десять, и, хотя стол ломится от холодных закусок, гости сидят в кожаных креслах или стоят у окон, печально взирая сквозь свинцовые переплеты на мерзкую погоду; служанка в переднике, испачканном вареньем, снует между гостями, собирает грязную посуду и пустые стаканы на громадный поднос, с трудом удерживая его в руках. Толстяк в зеленом твидовом костюме сидит у фортепиано в углу и наигрывает скабресный мотивчик, впрочем слух присутствующих больше оскорбляет неумелое исполнение. На пианиста никто не обращает внимания, хотя он старается изо всех сил.

Уже почти полдень, а Даниеля нет. Я изучаю графины с напитками на буфетной стойке, совершенно не понимая, где какой и что я обычно пью. В конце концов наливаю себе чего-то коричневого и поворачиваюсь к остальным, надеясь кого-то узнать. Если кто-то из гостей на меня напал, то вряд ли обрадуется, увидев, что я жив и здоров, и я его сразу замечу. А разум не станет скрывать от меня, кто это такой, если злодей сам себя выдаст. Разумеется, если разум сможет его отличить. Для меня сейчас все одинаковы: мужчины – краснолицые, буйные, напористые, в охотничьих твидовых костюмах, а женщины – скромные, в длинных юбках, льняных блузках и кардиганах. В отличие от громогласных мужей, жены ведут себя тихо и степенно, краем глаза поглядывая на меня. За мной наблюдают исподволь, как за редкой птицей. Это очень пугает, но причины такого поведения, в общем-то, понятны. Даниель,

расспрашивая гостей и слуг, наверняка упомянул о моем состоянии. Так что волей-неволей я теперь тоже развлекаю гостей.

Не выпуская бокала из рук, пытаюсь отвлечься, прислушиваюсь к разговорам, но не могу отделаться от впечатления, что сунул голову в куст роз. Половина гостей жалуется, половина – выслушивает жалобы. Им не нравится жилье, еда, леность прислуги и даже то, что их сюда привезли, а не объяснили, как проехать самостоятельно (впрочем, неизвестно, добрались бы они в эту глушь или нет). Больше всего их раздражает холодный прием леди Хардкасл, которая еще не выходила к гостям, хотя многие прибыли в Блэкхит вчера вечером и расценивают ее отсутствие как личное оскорбление.

– Извините, Тед, – произносит служанка, протискиваясь мимо какого-то мужчины лет пятидесяти, широкоплечего и загорелого, с редующими рыжими волосами.

Охотничий костюм плотно облегает еще крепкое, но уже заплывшее жирком тело. На обветренном лице сверкают яркие голубые глаза.

– Тед? – злобно восклицает он, хватая ее за руку и сжимает запястье так сильно, что служанка ойкает и морщится. – Ты что о себе возомнила, а, Люси? Я тебе не Тед, а мистер Стэнуин. С вами, крысами подвальных, я больше не якшаюсь.

Она ошеломленно отшатывается, умоляюще глядит на нас. Никто не двигается с места, даже фортепиано прикусывает язык. Внезапно до меня доходит, что этого человека все боятся. К стыду своему, и я тоже. Я цепенею, но кошусь на него из-под полуопущенных век, отчаянно надеясь, что вульгарный тип не обратит на меня внимания.

– Тед, оставьте ее в покое, – говорит Даниель Кольридж, появляясь в дверях.

Голос звучит резко, холодно. С намеком на угрозу.

Стэнуин сопит, щурит глаза, глядит на Даниеля. Они – не равные противники. Кряжистый, массивный Стэнуин исходит ядом. Даниель стоит, сунув руки в карманы и чуть склонив голову к плечу, и что-то в

его позе заставляет Стэнуина задуматься. Может быть, он боится, что его собьет поезд, которого, судя по всему, ждет Даниель.

Часы набираются смелости и громко тикают.

Стэнуин фыркает, выпускает запястье служанки, бормочет что-то неразборчивое и выходит, задев Даниеля в дверях.

По комнате проносится дружный вздох, снова бренчит фортепиано, отважные часы продолжают тикать как ни в чем не бывало.

Даниель оценивающе глядит на каждого из нас по очереди.

Не в силах вынести его взгляд, я смотрю на свое отражение в окне. Лицо выражает брезгливое отвращение к бесчисленным недостаткам моего характера. Сначала убийство в лесу, теперь вот это. Неужели я так и буду терпеть несправедливость? Неужели так и не наберусь смелости, не вмешаюсь?

Даниель подходит ко мне, призрачно отражается в стекле.

– Белл, – негромко говорит он, касаясь моего плеча, – можно вас на минутку?

Пристыженно иду за ним в кабинет, взгляды гостей буравят мне спину. В кабинете сумрачно, разросшийся плющ заплетает окна в свинцовых переплетах, потемневшие картины маслом впитывают сочащийся сквозь стекла свет. У окна с видом на газон стоит письменный стол, – похоже, еще недавно за ним кто-то сидел: под брошенной авторучкой на обрывке промокательной бумаги расплывается чернильное пятно, рядом лежит ножичек для вскрытия писем. Трудно представить, какие послания сочиняют в такой гнетущей атмосфере.

В противоположном углу комнаты, у второй двери, молодой человек в охотничьем костюме удивленно заглядывает в раструб граммофонного рожка, не понимая, почему пластинка беззвучно вращается на круге под иглой.

– Проучился семестр в Кембридже и возомнил себя Изамбардом Кингдомом Брюнелем^[1], – говорит Даниель.

Молодой человек переводит взгляд на него. Юноша – на вид ему не больше двадцати четырех – темноволос и широколиц; черты его кажутся странно сплюснутыми, примятыми, словно он прижимает лицо к стеклу. При виде меня он широко улыбается, сквозь облик взрослого мужчины проступает мальчишеская физиономия, будто в окне.

– Белл, дурашка, вот вы где! – восклицает он, одновременно хватая меня за руку и хлопая по спине, сжимает в тисках дружеских объятий.

Он напряженно вглядывается в меня, щурит зеленые глаза, не понимая, почему я его не узнаю.

– Да вы и правда ничего не помните, – говорит он, косясь на Даниеля. – Вот счастливчик. Пойдем в бар, познакомлю вас с похмельем.

– Быстро же по Блэкхиту новости расходятся, – замечаю я.

– Скука – дорожка накатанная, – отвечает он. – Меня зовут Майкл Хардкасл. Мы с вами давние приятели, но теперь, наверное, лучше называть нас новыми знакомцами.

В его словах нет ни капли разочарования. Наоборот, ситуация его забавляет. Впрочем, даже при первой встрече очевидно, что Майкла Хардкасла забавляет почти все.

– Вчера за ужином Майкл был вашим соседом по столу, – говорит Даниель, который сменил Майкла у граммофона. – Может быть, вы поэтому и решили удариться головой, да посильнее.

– Белл, ну подыграйте же ему. Мы ждем не дождемся, что в один прекрасный день он все-таки вымучит из себя шутку, – говорит Майкл.

В беседе возникает пауза, которую должна заполнить моя реплика, и ее отсутствие нарушает ритм разговора. Впервые за сегодняшнее утро мне хочется вернуться к прежней жизни. Мне недостает знакомства с этими людьми. Недостает дружеской близости. Мое огорчение отражается на лицах собеседников, нас разделяет ров неловкого молчания. Надеюсь вернуть хотя бы малую

толику былого доверия, я закатываю рукав, демонстрирую перевязанную руку, замечаю, что кровь уже просочилась сквозь бинты.

– Лучше бы я и впрямь головой ударился, – говорю я. – Доктор Дикки считает, что ночью на меня напали.

– Не может быть! – восклицает Даниель.

– Это все из-за той проклятой записки, – говорит Майкл.

– Вы о чем, Хардкасл? – Даниель удивленно приподнимает брови. – Вам что-то известно? Почему вы сразу не сказали?

– Так ведь и говорить нечего, – смущенно отвечает Майкл, ковыряя ковровый ворс носком туфли. – Когда мы распивали пятую бутылку, служанка принесла какую-то записку. Белл сразу вскочил, извинился и начал вспоминать, как обращаться с дверями. – Он пристыженно смотрит на меня. – Я хотел пойти с вами, но вы заявили, что пойдете один. Я решил, что у вас свидание, поэтому не стал настаивать. И после этого я вот только сейчас вас увидел.

– А что было в записке? – спрашиваю я.

– Понятия не имею, старина. Я ее не читал.

– А вы помните, как выглядела служанка? Может быть, Белл упоминал имя Анна? – спрашивает Даниель.

Майкл пожимает плечами, воспоминание скользит по лицу.

– Анна? Нет, не слышал. А служанка... – Он надувает щеки, шумно выдыхает. – Черное платье, белый передник. Вот и все. Да ну вас! Кольридж, вы же знаете, тут служанок немерено, всех лиц не упомнишь.

Он беспомощно глядит на нас. Даниель разочарованно качает головой:

– Не волнуйтесь, старина, мы во всем разберемся. – Он хлопывает меня по плечу. – И я даже знаю, как именно.

Он кивает на карту имения, висящую в раме на стене. Великолепный архитектурный эскиз, пожелтевший, с обтрепанными краями и в потеках воды, изображает особняк и его окрестности. Оказывается, Блэкхит – огромное имение; у западного крыла

особняка находится фамильное кладбище, а у восточного крыла – конюшня; к озеру спускается тропка, а на берегу стоит лодочный домик. Все остальное – лес, который упрямо рассекает подъездная аллея, точнее, дорога, проложенная к деревне. Судя по виду из окон второго этажа, мы здесь одни в чаще.

Меня прошибает холодный пот.

Предполагалось, что я исчезну в зеленом просторе, как Анна сегодня утром. Я ищу свою могилу.

Даниель замечает мое волнение, косится на меня.

– Уединенные места, – шепчет он, вытряхивая сигарету из серебряного портсигара. Прихватывает ее губами, роется по карманам в поисках зажигалки.

– Отец перевез нас сюда, когда рухнула его политическая карьера. – Майкл подносит зажигалку к сигарете Даниеля и закуривает сам. – Решил заделаться сельским сквайром. Разумеется, ничего хорошего из этого не вышло.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

– Моего брата убил один из наших лесников, некий Чарли Карвер, – спокойно поясняет Майкл, будто зачитывает результаты скачек.

Я прихожу в ужас оттого, что совершенно не помню об этой жуткой истории, торопливо бормочу какие-то извинения:

– Простите... простите, какой кошмар...

– А, дело давнее, – нетерпеливо обрывает меня Майкл. – Это случилось девятнадцать лет назад. Мне тогда было всего пять. Если честно, я почти ничего не помню.

– В отличие от скандальных газет, – добавляет Даниель. – Карвер и его приятель упились в дым, поймали Томаса у озера. Начали топить, потом прикончили ножом. Семилетнего ребенка. На шум прибежал Тед Стэнуин, отогнал их выстрелами из ружья, но Томаса уже было не спасти.

– Стэнуин? – переспрашиваю я, стараясь не выказать изумления. – Этот грубиян в гостиной?

– Вслух его лучше так не называть, – предупреждает Даниель.

– Старина Стэнуин на хорошем счету у моих родителей, – добавляет Майкл. – Он был простым егерем, но за попытку спасения Томаса отец пожаловал ему одну из наших плантаций в Африке, и теперь этот проходимец разбогател.

– А что стало с убийцами?

– Карвера отправили на виселицу, – говорит Даниель, стряхивая пепел на ковер. – Нож нашли в подполе его дома вместе с десятком бутылок ворованного бренди. А соучастника так и не поймали. Стэнуин утверждает, что подбил его выстрелом из ружья, но в местную больницу никто не обращался, а Карвер сообщника не выдал. В тот уик-энд лорд и леди Хардкасл давали званый прием, так что вполне возможно, что сообщником был кто-то из гостей, однако все в один голос отрицают знакомство с Карвером.

– Да, славно все обставили, – ровным голосом произносит Майкл, с лицом мрачнее туч за окнами.

– Значит, сообщник все еще на свободе? – спрашиваю я.

По спине ползет холодок. Убийство девятнадцатилетней давности – и убийство сегодня утром. Вряд ли это совпадение.

– Непонятно, чем занимается полиция, – говорит Даниель и умолкает.

Я перевожу взгляд на Майкла, который пристально смотрит в гостиную. Мало-помалу гости переходят в вестибюль, не прерывая разговоров. Даже в кабинете слышен рой назойливых, оскорбительных замечаний обо всех и вся, от запустения в особняке до пьянства лорда Хардкасла и холодной спеси Эвелины Хардкасл. Бедный Майкл, как он выдерживает все эти неприкрытые насмешки над семьей, да еще и в родном доме?!

– Ну, сейчас не время обсуждать древнюю историю, – нарушает молчание Даниель. – Я расспросил всех об Анне. Увы, ничего хорошего сообщить не могу.

– Ее никто не знает?

– Ни среди гостей, ни среди прислуги женщины с таким именем нет, – отвечает Майкл. – Более того, из Блэкхита никто не пропал.

Я пытаюсь возразить, но Майкл предупредительно вскидывает ладонь:

– Дайте мне договорить, Белл. Отправить людей на поиски я не могу, но минут через десять начнется охота. Если вы хотя бы в общих чертах опишете место в лесу, где вы очнулись, то я поведу охотников в том направлении. Нас пятнадцать человек, так что есть шанс что-нибудь заметить.

Чувство благодарности сдавливает мне грудь.

– Спасибо, Майкл.

Он улыбается сквозь облако сигаретного дыма:

– Белл, вы никогда и ничего не приукрашиваете, так что я вам верю.

Я рассматриваю карту, горю желанием помочь, но совершенно не представляю, где именно заметил Анну. Убийца посоветовал мне идти на восток, из леса я вышел к парадной двери особняка, но остается только гадать, как долго я плутал по лесу и откуда начал свой путь. Я вздыхаю и, полагаясь на счастливую случайность, тычу пальцем в стекло. Даниель и Майкл нависают над моим плечом.

Майкл кивает, потирает подбородок:

– Значит, туда и пойдём. – Он оглядывает меня с головы до ног. – А вам лучше переодеться. Скоро выходим.

– Я с вами не пойду, – сгорая от стыда, лепечу я. – Мне надо... Я не могу...

Молодой человек неловко переминается:

– Да ладно вам...

– Майкл, о чем вы говорите! – вмешивается Даниель, опуская руку мне на плечо. – Вы же видите, в каком он состоянии. Он, бедняга, чудом выбрался живым из леса. Возвращаться туда ему незачем. – Он поворачивается ко мне, и в голосе звучат успокаивающие нотки: – Не волнуйтесь, Белл, найдется и ваша

девушка, и тот, кто ее убил. Мы займемся этим сами. Вам сейчас лучше ни во что не ввязываться.

5

Я стою у окна в свинцовом переплете, полускрытый бархатными шторами. На подъездной аллее смеются и оживленно переговариваются Майкл и его спутники в тяжелых толстых куртках; изо ртов поднимаются облачка пара, ружья зажаты в сгибе локтя. Гости вырвались из дома на свободу, предвкушая предстоящую бойню, и выглядят почти как люди.

Слова Даниеля утешают, но не даруют прощения. Я должен вместе с охотниками отправиться на поиски той, кого не смог спасти. А вместо этого я трусливо прячусь. С позором гляжу из своего укрытия, как охотники уходят без меня.

Под окнами охотничьи собаки рвутся с поводков, псари с трудом удерживают свору. Две группы сливаются в одну, пересекают лужайку у леса, направляются туда, куда я указал Даниелю. Но моего приятеля среди них не видно. Наверное, он присоединится к ним позже.

Дождавшись, когда все охотники скроются в чаще, возвращаюсь к карте на стене. Если верить карте, конюшня совсем рядом с особняком. Конюх наверняка там. У него обязательно найдется экипаж, который доставит меня в деревню, а оттуда я поездом вернусь домой.

Я направляюсь к двери в гостиную, но путь мне преграждает огромная черная ворона.

Сердце чуть не выпрыгивает из груди. Я отшатываюсь, задеваю комод, с него падают семейные фотографии и какие-то безделушки.

– Не бойтесь, – произносит жуткое создание, выходя из сумрака.

Это не ворона. Это человек в костюме средневекового чумного Лекаря; вместо перьев – черный плащ, клювастая фарфоровая маска поблескивает в свете лампы. Судя по всему, это наряд для сегодняшнего бала-маскарада, хотя непонятно, зачем надевать это зловещее облачение среди бела дня.

– Вы меня напугали, – говорю я, потирая грудь и смущенно посмеиваясь.

Он склоняет голову набок, разглядывает меня, будто дикого зверька, невесть как очутившегося на ковре.

– Что вы помните? – спрашивает он.

– Простите?

– Вы очнулись с каким-то словом на губах. С каким именно?

– Простите, а мы с вами знакомы? – Я выглядываю в гостиную, надеясь, что там остался кто-то из гостей.

К сожалению, там никого нет. Мы с неизвестным наедине, чего он и добивался, с тревогой соображаю я.

– Я вас знаю, – говорит он. – Этого достаточно. С каким словом вы очнулись?

– Снимите маску, давайте побеседуем лицом к лицу, – предлагаю я.

– Пусть она вас не волнует, доктор Белл, – заявляет он. – Отвечайте на вопрос.

В его словах нет ничего угрожающего, но фарфоровая маска глушит голос, в каждом предложении слышится низкий звериный рык.

– Анна, – говорю я, хлопая себя по бедру, чтобы унять дрожь в ноге.

– Жаль, – вздыхает он.

– Вы знаете, кто она? – с надеждой спрашиваю я. – Здесь никто о ней не слышал.

– И неудивительно. – Он пренебрежительно взмахивает рукой в перчатке, достает из-под плаща золотые карманные часы, цокает языком, глядя на циферблат. – Нам предстоит многое сделать, но не сегодня. Сначала вам нужно прийти в себя. Мы еще поговорим, когда все немного прояснится. А пока советую вам поближе познакомиться с Блэкхитом и его обитателями. Отдыхайте и развлекайтесь, доктор, лакей вас скоро отыщет.

– Лакей? – переспрашиваю я; это слово почему-то вызывает во мне тревогу. – Это он убил Анну и искалечил мне руку?

– Сомневаюсь, – говорит Чумной Лекарь. – Лакею вашей руки будет маловато.

Громкий шум за спиной заставляет меня обернуться. По стеклу растекается кровавое пятно, в зарослях сорняков под окном бьется и трепещет умирающая птица. Наверное, влетела в стекло. Меня пронзает жалость, на глаза наворачиваются слезы при виде бессмысленной смерти. Первым делом надо похоронить птицу. Я поворачиваюсь к таинственному собеседнику, но его уже нет.

Удивленно гляжу на руки. Кулаки сжаты так сильно, что ногти впиваются в ладони.

– Лакей, – повторяю я.

Самое обычное слово вызывает у меня необъяснимое чувство ужаса. Я почему-то до смерти боюсь этого человека.

Страх подгоняет меня к письменному столу, где лежит ножичек для вскрытия писем. Он маленький, но острый; кончик до крови прокалывает мне большой палец. Посасывая ранку, прячу ножичек в карман. Теперь можно не запирается в кабинете.

Набравшись смелости, я возвращаюсь к себе в спальню. Без гостей обстановка Блэкхита и впрямь навеивает тоску. За исключением великолепного вестибюля, все остальные комнаты пришли в запустение, в них пахнет плесенью и гнилью. По углам рассыпаны катышки крысиного яда, пыль лежит толстым слоем там, куда не дотягивается рука служанки. Ветхие ковры, исцарапанная мебель, почерневшие серебряные сервизы за мутными стеклами сервантов. Гости Блэкхита – не самая приятная компания, но сейчас мне не хватает гула их голосов. Они наполняют особняк жизнью, изгоняют отсюда мрачную тишину. Блэкхит – дом, которому нужны обитатели, иначе он превращается в унылые развалины, в руины, которые давно пора снести.

В спальне я надеваю пальто, беру зонтик и выхожу в сад, где по земле хлещет дождь, а в воздухе удушающе пахнет палой листвой.

Не знаю, в какое окно ударилась птица, поэтому медленно иду вдоль цветочного бордюра. Отыскав крохотный трупик, рою могилу ножом для бумаг и хороню птицу. Мои перчатки промокают насквозь.

Дрожа от холода, размышляю, куда идти дальше. Вымощенная булыжником дорожка тянется по дальнему краю лужайки к конюшне. Можно пройти по траве, но тогда промокнут и туфли. Я отправляюсь кружным путем, по подъездной аллее, от которой влево сворачивает еще одна мощеная тропа. Как и следует ожидать, тоже в ужасном состоянии. Корни деревьев выворачивают камни из земли, над дорожкой нависают корявые пальцы ветвей. Встреча с незнакомцем в наряде чумного лекаря меня напугала. Я покрепче сжимаю ножичек и иду медленно и осторожно, боясь оскользнуться и упасть, опасаясь, что кто-то выскочит из-за кустов. Не знаю, зачем таинственный незнакомец нацепил на себя зловещий наряд, но не могу забыть его пугающих предупреждений.

Кто-то убил Анну и вручил мне компас. Маловероятно, что один и тот же человек напал на меня ночью и спас утром. А теперь появился еще и какой-то лакей. Да кто же я такой? Откуда у меня столько врагов?

Дорожка ведет к высокой кирпичной арке, в которую вделаны часы; стекло циферблата разбито. За аркой виднеется двор, конюшни, какие-то сарайчики и пристройки. В кормушки насыпан овес; бок о бок стоят экипажи, накрытые зеленым брезентом от дождя.

Вот только лошадей нет.

Все стойла пусты.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – неуверенно спрашиваю я.

Голос разносится по двору, но ответа я не слышу.

Над одной из хижин из трубы поднимается черный дымок. Дверь не заперта, я выкрикиваю приветствие и вхожу. Как ни странно, хозяев нет дома, хотя в очаге горит огонь, на столе стоит миска овсянки и тарелка поджаренного хлеба. Я снимаю мокрые перчатки,

вешаю их на перекладину над огнем, чтобы на обратном пути было не так зябко.

Кончиком пальца дотрагиваюсь до еды. Она еще теплая, оставлена недавно. На стуле лежит седло и кусок кожи, – видно, кого-то неожиданно оторвали от работы. Могу лишь предположить, что обитатель дома отлучился по срочному делу. Может быть, стоит дожждаться его возвращения. Во всяком случае, здесь тепло и сухо, хотя уголь нещадно дымит, а в доме сильно пахнет конским волосом и какой-то смазкой. Хуже другое: дом стоит на отшибе. Пока я не выясню, кто напал на меня вчера ночью, все обитатели Блэкхита находятся под подозрением, включая конюха. По возможности я не стану встречаться с ним один на один.

На гвозде у двери висит расписание работ, рядом с ним болтается карандаш на веревочке. Я снимаю листок, переворачиваю его, чтобы оставить записку с просьбой отвезти меня в деревню, но там уже что-то написано.

Не уезжайте из Блэкхита. От Вас зависит не только Ваша жизнь, но и жизни многих других. Сегодня вечером, в 10:20, приходите к склепу на фамильном кладбище, я Вам все объясню. Кстати, не забудьте про перчатки, они вот-вот сгорят.

С любовью, Анна.

Дым щекочет ноздри. Оборачиваюсь к очагу: и правда, перчатки вот-вот загорятся. Я срываю их с перекладины над огнем, затаптываю угли. Сердце колотится. Таращу глаза, оглядываю дом, пытаюсь понять, что это за фокус.

«Вечером встретитесь с Анной, у нее и спросите».

– Я же видел, как она умерла! – выкрикиваю я в пустоту и пристыженно умолкаю.

Успокаиваюсь, перечитываю записку еще раз, но это мало что объясняет. Если Анна жива, то с ее стороны было бы слишком жестоко так измываться надо мной. Скорее всего, когда все в

особняке узнали о ночном происшествии, кто-то решил подшутить надо мной и нарочно выбрал мрачное место и время для встречи.

«Этот кто-то, наверное, ясновидящий».

– Погода сегодня ненастная, кто угодно мог предположить, что мне захочется высушить перчатки.

Дом вежливо слушает, но мне самому такое объяснение кажется слишком надуманным. Как и желание объявить записку чьей-то глупой шуткой. Увы, очевидно, что в моем характере слишком много безнадежных изъязнов: вместо того чтобы питать хоть какую-то надежду на то, что Анна все-таки жива, мне проще считать ее мертвой, чтобы самому с чистой совестью побыстрее отсюда сбежать.

Терзаясь сомнениями, я натягиваю подпаленные перчатки. Надо все обдумать, и лучше делать это на ходу.

Отправляюсь в обход конюшни, мимо конского выгула, заросшего высокой травой по пояс; столбы ограды прогнили напрочь, еле держатся. В дальнем конце выгула виднеются две фигуры под одним зонтиком. Наверное, там пролегает какая-то тайная тропа, потому что они идут слаженно, рука об руку. Бог знает как они меня заметили, но одна из фигур приветственно машет мне. Охваченный мимолетным дружеским порывом, я повторяю жест, и парочка скрывается в сумрачном лесу.

Опускаю руку. Все решено.

Я убедил себя, что ничем не обязан убитой и поэтому вправе уехать из Блэкхита. Это довод труса, типичный, но в чем-то правдивый.

Однако же если Анна жива, то он неприменим.

Утром я ее предал, а потом только об этом и думал. А теперь у меня появился шанс, и упускать его я не намерен. Ей грозит опасность, а значит, я обязан ей помочь. И помогу. Если это не удержит меня в Блэкхите, то я не достоин жизни, с которой опасюсь расстаться. Во что бы то ни стало сегодня ночью, в двадцать минут одиннадцатого, я приду на кладбище.

6

– Кто-то жаждет моей смерти.

Странно произносить это вслух, словно бы испытывая судьбу, но для того, чтобы дожить до вечера, надо перебороть страх. Я больше не намерен сидеть взаперти в спальне. Надо найти ответы на множество вопросов.

Возвращаясь к особняку, не свожу глаз с леса, перебираю в памяти все, что случилось утром. Снова и снова задумываюсь о порезах на руке, о человеке в костюме чумного лекаря, о лакее и о загадочной Анне, которая теперь вполне себе жива и даже пишет мне таинственные записки.

Как ей удалось уцелеть?

Если она написала записку на рассвете, еще до того, как на нее напали, то откуда ей было известно, что я приду в дом у конюшни и повешу перчатки сушиться над очагом? Я ни с кем не делился своими планами. Может быть, я говорил вслух? Может быть, она за мной следила?

Мотаю головой, не желаю лезть в эту кроличью нору.

Я забегаю вперед, вместо того чтобы вспоминать прошлое. Майкл сказал, что вчера за ужином служанка принесла мне какую-то записку и что после этого он меня больше не видел.

Вот с чего все началось.

«Отыщите служанку, которая принесла записку».

Вхожу в особняк и тут же слышу голоса в гостиной. Никого из гостей там нет, только две служанки собирают остатки обеда на два громадных подноса. Девушки работают бок о бок, склонив головы и перешептываясь, поэтому не замечают моего появления.

– ...Генриетта сказала, мол, она совсем свихнулась, – заявляет одна, с каштановыми кудряшками, выбившимися из белого чепца.

– Бет, нельзя такое говорить про леди Хелену, – укоризненно замечает другая. – Она к нам хорошо относится, по справедливости.

Но для Бет сплетни гораздо важнее непреложных фактов.

– Генриетта сказала, что она вся аж зашлась, – продолжает она. – На лорда Питера криком кричала. Вроде как из-за того, что в Блэкхит приехали, где с мастером Томасом беда случилась. Мол, из-за этого люди умом трогаются.

– Генриетта сильна языком молоть – что правда, то правда. На твоём месте я бы и слушать не стала. Они ж не в первый раз ругаются. Было б что серьёзное, леди Хелена сказала бы миссис Драдж. Она всегда ей все рассказывает.

– А миссис Драдж не знает, куда та подевалась, – торжествующе приводит Бет главный, неоспоримый довод против леди Хелены. – Она все утро её не видела...

Я вхожу, и разговор обрывается, служанки приседают в неловких книксенах, путаются в сплетении рук и ног, краснеют. Не обращая внимания на их смущение, я спрашиваю, кто прислуживал вчера за ужином, но они непонимающе глядят на меня и невнятно лепечут какие-то извинения. Я уже не надеюсь добиться хоть какого-то вразумительного ответа, как вдруг Бет заявляет, что Эвелина Хардкасл сейчас принимает дам в оранжерее, на задах особняка, уж ей-то известно что и как.

После недолгих объяснений одна из служанок ведёт меня в кабинет, где сегодня утром я беседовал с Даниелем и Майклом, а оттуда в соседнюю с ним библиотеку, которую мы быстро пересекаем и попадаем в сумрачный коридор. Там нас приветствует темнота: из-под телефонной тумбочки выбирается чёрный кот, обмахивает хвостом пыльные половицы, на мягких лапах крадется по коридору и проскальзывает в приоткрытую дверь слева. В щель сочится тёплый золотистый свет, изнутри доносятся голоса и музыка.

– Мисс Эвелина у себя, сэр, – произносит служанка.

Её тон, далекий от почтительного, не оставляет никаких сомнений в её отношении и к помещению, и к его хозяйке.

Отрясаю пренебрежение прислуги, распахиваю дверь, и мне в лицо ударяет зной. Спертый воздух, пропитанный сладким ароматом

духов, едва колыхается от хриплых звуков музыки, которые взмывают, скользят и бьются о стены. Огромные окна в свинцовых переплетах выходят в сад за домом; над башенкой собираются серые тучи. У камина теснятся кресла и шезлонги, к ним увядшими орхидеями льнут молодые женщины, курят, пьют коктейли. Здесь царит не праздничная, а какая-то напряженная атмосфера. Единственное оживление в нее вносит портрет на дальней стене – старуха с угольками глаз вершит суд над гостями, презрительное выражение лица воспринимается как безжалостный приговор.

– Моя бабушка Хизер Хардкасл, – звучит женский голос у меня за спиной. – Портрет ей не льстит, она презирала лесть во всех ее проявлениях.

Я оборачиваюсь навстречу голосу, краснею, заметив, что на меня с любопытством уставились десятки пар скучающих глаз. Мое имя по кругу обегает комнату, вслед ему роем потревоженных пчел несутся возбужденные перешептывания.

За шахматным столиком сидит женщина, предположительно Эвелина Хардкасл, а напротив нее – пожилой толстяк в слишком тесном костюме. Очень странная парочка. Эвелине около тридцати; светлые волосы зачесаны назад, открывая лицо с острыми скулами; сама она, худая и угловатая, чем-то напоминает осколок стекла. На ней зеленое платье, сшитое по последней моде и перехваченное поясом на талии; строгие, резкие линии кроя подчеркивают надменное выражение лица.

Толстяку не меньше шестидесяти пяти; невозможно представить, как он втиснул свою тушу за крохотный столик, да и жесткое кресло ему мало. Он сидит с мученическим видом, лоб покрыт испариной, в руке зажат насквозь промокший платок – свидетельство продолжительных страданий. Взгляд, обращенный на меня, исполнен странной смеси любопытства и благодарности.

– Прошу прощения, – говорю я. – Мне...

Эвелина не отрывает глаз от шахматной доски, переставляет пешку. Толстяк вспоминает об игре, подносит пухлый палец к коню.

Я не могу сдержать разочарованный стон при виде элементарной ошибки.

– Вы шахматист? – спрашивает Эвелина, по-прежнему не отводя глаз от доски.

– Очевидно, да, – отвечаю я.

– Может быть, сыграете со мной после лорда Рейвенкорта?

Рейвенкорт, не обращая внимания на предупреждение, отправляет коня в подстроенную Эвелиной западню, где его тут же сбивает затаившаяся ладья. Стремительные ходы Эвелины ставят противника в тупик. Рейвенкорт паникует, теряет терпение, и через четыре хода игра окончена.

– Спасибо за увлекательную партию, лорд Рейвенкорт, – говорит Эвелина, глядя, как он щелчком сбивает своего короля набок. – Вы, кажется, упоминали, что у вас много срочных дел.

Понимая, что его без обиняков выставляют за дверь, Рейвенкорт неловко кланяется, с трудом выбирается из-за стола, коротко кивает мне и тяжело шествует к выходу.

Неприятель Эвелины провожает его до самого порога, однако исчезает, как только меня приглашают занять место напротив.

– Прошу вас, – произносит Эвелина.

– Увы, не могу. Я ищу служанку, которая вчера за ужином доставила мне записку. К сожалению, служанку я не запомнил. Но очень надеюсь на вашу помощь.

– А лучше – на помощь нашего дворецкого. – Она восстанавливает порядок в нарушенных рядах ее армии; каждая фигура занимает самую середину поля, строго лицом к противнику. Очевидно, трусливым и малодушным на этой доске места нет. – Как утверждает мистер Коллинз, ему известен каждый шаг любого из слуг в особняке, – продолжает она. – К сожалению, сегодня утром его избил. Доктор Дикки на время поселил его в сторожке у ворот, чтобы его никто не тревожил. Я и сама собиралась его навестить, так что с удовольствием провожу вас.

Я медлю, оценивая возможную опасность. Наверное, если бы Эвелина Хардкасл замышляла дурное, то не стала бы во всеуслышание объявлять о предстоящей совместной прогулке.

– Очень любезно с вашей стороны, – отвечаю я, заслужив тень улыбки.

Эвелина встает, то ли не замечая, то ли просто не обращая внимания на любопытные взгляды.

Высокие двойные двери оранжереи выходят в сад, но мы возвращаемся коридором, чтобы забрать пальто и шляпы из спален, и встречаемся в вестибюле у главного входа. Эвелина на ходу надевает пальто, и с парадного крыльца Блэкхита мы попадаем в ненастный, промозглый день.

– А позвольте узнать, что случилось с мистером Коллинзом? – спрашиваю я, подозревая, что его избиение как-то связано с нападением на меня.

– На него набросился один из наших гостей, художник Грегори Голд. – Она обматывает шею толстым шарфом. – Как говорят, без всякого повода. И прежде чем их успели разнять, задал бедняге хорошую трепку. Честно говоря, доктор, мистеру Коллинзу дали серьезную дозу успокоительного, поэтому я не уверена, что вам удастся его расспросить.

Мы идем по подъездной аллее, усыпанной гравием, и я в который раз задумываюсь о своем странном состоянии. Несколько дней назад я ехал в Блэкхит по этой самой аллее – может быть, счастливый, в прекрасном расположении духа, а может быть, разочарованный дальней дорогой и уединением. Знал ли я о грозящей мне опасности? Или о ней стало известно лишь позже? Бóльшая часть меня утрачена, воспоминания развеяны, как палая листва, и все-таки я возрожден. Интересно, понравился бы Себастьяну Беллу тот, кем я стал? Подружились бы мы с ним?

Не говоря ни слова, Эвелина берет меня под руку. Ласковая улыбка преображает ее лицо, в глазах вспыхивает живой огонек, разгорается, изгоняет скрытность и суровость.

– Ах, как хорошо выбраться из дому! – восклицает она, подставляя лицо дождю. – Как вы вовремя заглянули, доктор. Честное слово, еще минута – и я бы сунула голову в камин.

– Я и впрямь удачно зашел, – бормочу я, ошеломленный ее внезапной сменой настроения.

Эвелина, заметив мою растерянность, негромко смеется:

– Не обращайтесь внимания. Я не люблю заводить знакомства, поэтому с теми, кто мне по нраву, я сразу обращаюсь как со старыми друзьями. Это очень экономит время.

– Да, действительно, – киваю я. – А позвольте узнать, чем я пришелся вам по нраву?

– Позволю, если вас устроит прямой и честный ответ.

– А сейчас вы кривите душой?

– Нет, сейчас я стараюсь вести себя вежливо. Однако вы правы, в этом споре мне не победить, – с притворным сожалением вздыхает она. – Что ж, если честно, то мне очень нравится ваш печальный, задумчивый вид, доктор. Вы производите впечатление человека, которому не терпится уехать отсюда, и я от всего сердца разделяю это чувство.

– То есть вы не рады возвращению домой?

– Мой дом давно не здесь, – говорит она, перепрыгивая через лужу. – После убийства брата вот уже девятнадцать лет я живу в Париже.

– А как же гости в оранжерее? Разве они вам не друзья?

– Они приехали сегодня утром, и, по правде говоря, я не узнала ни одну из старых приятельниц. Дети выросли, сменили кожу и проползли в приличное общество. Я здесь всем чужая, как и вы.

– Во всяком случае, себе вы не чужая, мисс Хардкасл, – замечаю я. – Разве вас это не утешает?

– Отнюдь нет. – Она пристально смотрит на меня. – По-моему, ненадолго расстаться с собой – великолепная затея. Я вам завидую.

– Завидуете?

– Да, конечно. – Эвелина утирает с лица дождевые капли. – Ваша душа сейчас чиста, доктор. Нет ни сожалений, ни страданий, ни лжи, с которой начинают день все остальные, глядясь в зеркало. Вы... – Она закусывает губу, подыскивая слово. – Вы честны.

– Иными словами, я всем открыт.

– То есть вы не рады *вашему* возвращению домой? – Уголок ее губ странно изгибается, отчего улыбка становится почти презрительной, хотя производит впечатление заговорщицкой.

– Увы, я совсем не тот, кем надеялся стать, – негромко заявляю я, внезапно осмелев.

В обществе этой женщины мне отчего-то легко, вот только я никак не пойму отчего.

– Как это?

– Я трус, мисс Хардкасл, – вздыхаю я. – Сорок лет воспоминаний исчезли из моей памяти, и все, что мне осталось, – это трусость.

– О, прошу вас, зовите меня Эвелиной, а я буду звать вас Себастьяном. Вам не следует так расстраиваться из-за своих недостатков. Они есть у каждого. Хотя если бы я только что появилась на свет, то, наверное, тоже опасалась бы всех подряд. – Она легонько сжимает мне пальцы.

– Спасибо на добром слове, но в моем случае это какое-то глубокое, инстинктивное состояние.

– Ну и что с того? Бывают люди и похуже трусишек. Вы ведь не подлец и не злодей. Вдобавок теперь у вас есть выбор. Вместо того чтобы составлять характер наобум, как все мы, – ну знаете, просыпаешься в один прекрасный день и совершенно не понимаешь, как стал *вот таким* человеком, – вы сможете присмотреться к миру, к своему окружению и выбрать те черты характера, которые вас привлекают. К примеру, честность, как у этого мужчины, жизнерадостность, как у этой женщины. Словно пришли к портному на Сэвил-роу и заказываете себе костюм...

– По-вашему, выходит, что потеря памяти – это дар? – говорю я, чувствуя, как мое уныние развеивается.

– А как же иначе? Вам выпал редкий шанс, – кивает она. – Если вам не нравится, кем вы были раньше, то станьте другим. Вам ведь теперь ничего не мешает. Поэтому я вам и завидую. А нам, всем остальным, приходится жить с ошибками прошлого.

На это мне нечего ответить, да ответа и не требуется. Мы подходим к воротам, где на двух гигантских столбах выщербленные ангелы вздымают к небу безмолвные трубы. Сторожка стоит чуть поодаль, в купе деревьев слева; сквозь зеленые кроны проглядывает красная черепичная крыша. Неприметная тропка ведет к облупленной зеленой двери, разбухшей и растрескавшейся от времени. Однако же Эвелина направляется не туда, а, взяв меня за руку, сворачивает на зады сторожки, пробирается между высокими кустами, льнущими к осыпающейся кирпичной кладке.

Задняя дверь закрыта на задвижку снаружи. Эвелина распахивает дверь, впускает меня в промозглую кухню, где все покрыто толстым слоем пыли, а на плите стоят медные кастрюли. Потом замирает и напряженно прислушивается.

– Эвелина? – окликаю я.

Она жестом просит меня молчать, делает шаг к коридору. Такая осторожность вызывает у меня внезапную тревогу.

– Простите, Себастьян, – с тихим смешком произносит Эвелина. – Я думала, что услышу отца.

– Отца? – недоуменно переспрашиваю я.

– Он временно обосновался здесь, – поясняет она. – Должен был уйти со всеми на охоту, но мог и задержаться, а мне не хотелось бы с ним видеться. Мы не очень ладим.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, она уводит меня в коридор, вымощенный плиткой, и мы поднимаемся по узкой лестнице; деревянные ступени громко скрипят под ногами. Я не отстаю ни на шаг, то и дело оглядываюсь. Сторожка тесная, какая-то перекошенная, все двери кренятся в разные стороны, как кривые зубы во рту. Ветер со свистом врывается в окна, приносит запах

дождя, сотрясает весь дом до самого фундамента. Все здесь внушает страх.

– А зачем сюда отправили дворецкого? – спрашиваю я у Эвелины, которая раздумывает, в какую дверь войти – справа или слева от нас. – Неужели не нашлось места поудобнее?

– В доме свободных комнат не осталось, а доктор Дикки сказал, что пациенту требуется тишина, покой и тепло. Как ни странно, здесь ему лучше всего. Наверное, нам сюда, – говорит она, легонько стучит в дверь и, не дождавшись ответа, распахивает ее.

Высокий мужчина в перемазанной углем рубахе подвешен за связанные руки на потолочный крюк и едва касается носками пола. Он без сознания, голова безвольно поникла, темные кудри закрывают окровавленное лицо.

– Нет, не сюда. В соседнюю комнату, – равнодушно произносит Эвелина.

– Что за чертовщина?! – восклицаю я, в страхе отступая на шаг. – Кто это?

– Грегори Голд, тот самый, кто поколотил дворецкого, – говорит Эвелина, разглядывая его, как бабочку, пришпиленную к пробковой дощечке. – На войне дворецкий был отцовским денщиком. Судя по всему, отец воспринял нанесенные ему побои как личное оскорбление.

– Как личное оскорбление? Да беднягу вздернули, как свиную тушу на бойне!

– Ну, отец никогда не отличался ни хорошими манерами, ни большим умом. – Она пожимает плечами. – Подозреваю, что одного без другого не бывает.

Впервые после того, как я пришел в себя, во мне вскипает возмущение. Какие бы преступления ни совершил этот человек, справедливое наказание вряд ли подразумевает веревки и запертую комнату.

– Нельзя это так оставлять, – настаиваю я. – Это бесчеловечно.

– Он сам поступил бесчеловечно, – холодно замечает Эвелина. – Мать пригласила Голда, чтобы он отреставрировал несколько фамильных портретов. Он с дворецким незнаком, но сегодня утром набросился на него с кочергой и избил до полусмерти. Честное слово, Себастьян, он заслуживает большей кары.

– И что с ним будет?

– Приедет констебль из деревни. – Эвелина выталкивает меня из комнатухи, закрывает за собой дверь и с прежним дружелюбием поясняет: – Отец разгневался и решил преподать Голду урок, только и всего. Вот, нам сюда.

Она открывает дверь напротив, и мы входим в небольшую комнату с белеными стенами и единственным, давно не мытым окном. Здесь нет сквозняков, а в очаге горит огонь; рядом аккуратно сложены дрова. В углу стоит железная кровать, под серым одеялом виднеются бесформенные очертания дворецкого. Я его узнаю: это тот самый человек с обожженным лицом, который утром впустил меня в особняк.

Эвелина сказала правду, он жестоко избит. Лицо покрыто жуткими синяками и ссадинами, на подушке пятна засохшей крови. Я бы принял его за труп, только он что-то бессвязно бормочет в забытьи.

В деревянном кресле у кровати сидит служанка с открытой книгой на коленях. Ей года двадцать три, не больше, а сама она крохотная, какого-то карманного размера; из-под белого чепца выбиваются светлые пряди. Она замечает нас, захлопывает книгу и торопливо вскакивает с кресла, разглаживая белый передник.

– Мисс Эвелина, – лепечет она, потупившись, – мы вас не ждали.

– Моему другу надо поговорить с мистером Коллинзом, – объясняет Эвелина.

Служанка мимолетно обращает ко мне карие глаза и тут же их опускает.

– Прошу прощения, мисс, он все утро лежит пластом, – говорит служанка. – Доктор дал ему какое-то снотворное.

– А можно его разбудить?

– Я не пробовала, мисс, но вот когда вы по лестнице поднимались, ступеньки очень громко скрипели, только он даже не шелохнулся. Хотя этот скрип и мертвого разбудит, а его вот никак.

Служанка опять глядит на меня, и на этот раз в карих глазах сквозит какое-то узнавание, впрочем она тут же возвращается к изучению половиц.

– Простите, мы с вами знакомы? – спрашиваю я.

– Нет, сэр, что вы! Просто... Я вам вчера за ужином прислуживала.

– Это вы принесли мне записку? – обрадованно говорю я.

– Нет, сэр, не я. Мадлен.

– Мадлен?

– Моя камеристка, – поясняет Эвелина. – Слуг не хватает, поэтому вчера я отправила ее помогать на кухне. – Взглянув на свои наручные часы, она добавляет: – Как раз сейчас она понесла обед охотникам, к трем пополудни вернется, и тогда мы ее вместе расспросим.

Я снова обращаюсь к служанке:

– А вы еще что-нибудь знаете о записке? Например, что в ней говорилось?

Служанка мотает головой, до боли сжимает руки. Похоже, бедняжке неловко, и мне становится ее жаль. Я благодарю ее и прощаюсь.

7

Мы идем по подъездной аллее к деревне, с каждым шагом деревья смыкаются все ближе. В моем воображении аллея представлялась совсем другой. На карте в кабинете она выглядела плодом великих трудов, широким проспектом, прорубленным сквозь чащу леса. На самом деле аллея – грунтовая дорога, изрытая колдобинами и усыпанная ветками и сучьями. Судя по всему, Хардкаслы вели долгие переговоры с непокоренным лесом, но выторговали у упрямого соседа лишь мелкие уступки.

Не знаю, куда именно мы идем и где Эвелина надеется встретить Мадлен, которая возвращается из леса. Я втайне подозреваю, что ей просто хочется подольше побыть вне дома. Вообще-то, ей незачем притворяться. За час, проведенный в обществе Эвелины, я впервые ощутил себя полноценной личностью, а не жалкими остатками таковой. Здесь, под ветром и дождем, бок о бок с другом, впервые за весь день я счастлив.

– И что, по-вашему, Мадлен вам расскажет? – Эвелина поднимает с дороги ветку, швыряет ее в лес.

– Вчера вечером она передала мне записку, я ее прочел и отправился в лес, где на меня напали, – объясняю я.

– На вас напали? – взволнованно спрашивает Эвелина. – Кто? Почему?

– Не знаю. Надеюсь, что Мадлен скажет, кто вручил ей записку. Может быть, она ее прочитала.

– Никаких «может быть», – говорит Эвелина. – Мадлен – парижская камеристка. Очень верная, мне с ней весело, но служанка она ужасная. Она наверняка считает, что чтение чужих писем входит в ее обязанности.

– Вы к ней очень снисходительны, – замечаю я.

– Увы, иначе нельзя, ведь я плачу ей скромное жалованье, – поясняет она. – И если она перескажет содержание записки, что с

того?

– Обращусь в полицию. Они во всем разберутся.

У покосившегося указателя мы сворачиваем налево, углубляемся в лес, петляем по хитросплетениям узких, еле заметных тропок, и вскоре я перестану понимать, как вернуться к особняку.

– А вы знаете, куда идти? – озабоченно спрашиваю я, отводя от лица низко нависшую ветку; последняя прогулка по лесу лишила меня памяти.

– По меткам. – Она дергает желтый лоскут, прибитый к стволу; такие же лоскуты, только красные, утром вывели меня к Блэкхиту, и напоминание об этом меня пугает. – Лесники помечают ими лесные тропы, чтобы не заблудиться. Не волнуйтесь, я не заведу вас в глухомань.

С этими словами она выводит меня на поляну, посреди которой виднеется каменный колодец. Деревянный навес давным-давно обвалился, чугунная рукоять колодезного ворота, некогда поднимавшего ведро, ржавеет в грязи под грудой палой листвы. Эвелина радостно хлопает в ладоши, ласково трогает замшелые камни, явно надеясь, что я не замечу, как ее рука прикрывает клочок бумаги, воткнутый в щель кладки. Не желая разрушать дружеские отношения, я притворяюсь, что ничего такого не вижу, и под ее пристальным взглядом поспешно отвожу взгляд. Наверное, среди гостей у нее есть поклонник, и, к стыду своему, я завидую и тайной переписке, и самим корреспондентам.

– Вот, прошу любить и жаловать. – Эвелина театрально взмахивает рукой. – На обратном пути Мадлен обязательно пройдет через эту поляну. Здесь мы ее и подождем. Ей нужно вернуться к трем пополудни, чтобы помочь с убранством бальной залы.

– А что здесь? – спрашиваю я, оглядываясь вокруг.

– Колодец желаний, – объясняет она, заглядывая в черную пустоту колодца. – В детстве мы с Майклом часто сюда приходили и загадывали желания, бросая камешки на дно.

– И какие же желания загадывала юная Эвелина Хардкасл?

Она озадаченно морщит лоб:

– Знаете, а ведь я совершенно не помню. Что нужно ребенку, у которого все есть?

«Ему нужно все – и больше, чем все, как и всем остальным».

– А я, даже если бы помнил, все равно не смог бы ответить на такой вопрос, – улыбаюсь я.

Эвелина отряхивает перепачканные ладони, вопросительно смотрит на меня. Видно, что ее снедает любопытство, переполняет радость от встречи с неизвестным и неожиданным там, где еще недавно все было знакомо. Я с разочарованием осознаю, что для нее я – всего лишь новое развлечение.

– А вы не задумывались, что с вами будет, если к вам не вернется память? – осторожно спрашивает она, стараясь не задеть меня слишком личным вопросом.

Теперь озадачен я.

Справившись с первоначальной растерянностью, я старался не думать о своем состоянии. По большей части потеря памяти создавала определенные неудобства, но не была трагедией. Раздражала только неспособность вспомнить, кто такая Анна. В ходе попыток возродить Себастьяна Белла я обрел двух друзей, Библию с пометками на полях и сундук, запертый на замок. Маловато для сорока лет жизни. Нет ни жены, безутешно оплакивающей потерянное время, ни ребенка, огорченного утратой любимого отца. С этой точки зрения жизнь Себастьяна Белла легко отринуть и трудно оплакивать.

Где-то в лесу трещат ветви.

– Лакей, – говорит Эвелина.

Я тут же вспоминаю слова Чумного Лекаря, и кровь стынет в жилах.

– Что-что? – спрашиваю я, лихорадочно оглядывая заросли.

– Слышите треск? Это лакеи собирают хворост, – поясняет она. – Стыд и позор. В особняке не хватает прислуги, некому растапливать

камины, поэтому гостям приходится отправлять за хворостом своих лакеев и камердинеров.

– А сколько их там?

– В каждом из приглашенных семейств – по одному, но еще не все приехали, – говорит она. – Пока в особняке семь или восемь лакеев.

– Восемь? – сдавленно переспрашиваю я.

– Ах, милый Себастьян, что с вами? – встревоженно говорит Эвелина.

В иных обстоятельствах мне бы польстило ее ласковое участие, но сейчас оно меня смущает. Мне стыдно признаваться, что какой-то странный тип в наряде чумного лекаря посоветовал опасаться некоего лакея – и что даже при звуке этого слова меня охватывает безумный страх.

– Простите, – говорю я, помрачнев. – Я вам все объясню, только не здесь и не сейчас.

Не в силах выдержать ее недоуменный взгляд, я озираюсь, пытаюсь сменить тему. Замечаю пересечение трех тропинок, убегающих в лес; одна из них ведет прямо к берегу озера.

– А там...

– Да, это озеро, – говорит Эвелина, глядя в ту сторону. – То самое, на берегу которого Чарли Карвер убил моего брата.

Нас разделяет трепетная тишина.

– Простите, – неловко повторяю я, смущенный скудостью выраженного чувства.

– Не подумайте обо мне дурно, но за давностью лет все это кажется кошмарным сном, – вздыхает она. – Я даже лица Томаса не помню.

– Майкл говорит то же самое, – замечаю я.

– Оно и неудивительно, ведь он младше меня на пять лет. – Она приобнимает себя за плечи, отстраненно произносит: – В тот день я должна была присматривать за Томасом, но мне больше хотелось покататься верхом, а он ходил за мной по пятам. Поэтому я

придумала для малышей игру, отправила их на поиски сокровищ. Если бы я не оставила их одних, то Томас не забрел бы к озеру и не попал бы к Карверу в лапы. Вы даже не представляете, как эти мысли терзали меня все детство и юность. Я мучилась бессонницей, отказывалась от еды. Не испытывала никаких эмоций, кроме бессильной злости и вины. Я злилась на всех, кто пытался меня хоть как-то утешить.

– И как же вы с этим совладали?

– С помощью Майкла, – печально улыбается она. – Как только я над ним не измывалась! И вообще, я вела себя ужасно, но он всегда оставался рядом. Он видел, что я страдаю, хотя и не понимал почему, и очень мне сочувствовал. Без него я совсем сошла бы с ума.

– Вы потому и уехали в Париж, подальше отсюда?

– Нет, тут у меня не было особого выбора. Через несколько месяцев после случившегося родители отправили меня в Париж, – отвечает она, закусив губу. – Они не могли меня простить, и мне самой этого бы не позволили, если бы я осталась. Изгнание было своего рода наказанием, но в итоге пошло мне на пользу.

– Однако же вы вернулись?

– Повторяю, у меня не было выбора, – с горечью произносит она, кутаясь в шарф, потому что на поляну врывается резкий порыв холодного ветра. – Родители настаивали на моем возвращении, грозили лишить меня пособия. А когда это не сработало, то заявили, что лишат наследства Майкла. Поэтому я и приехала.

– Но чем объяснить их ужасное поведение? И желание устроить бал-маскарад в вашу честь?

– В мою честь? О господи, да вы и впрямь не понимаете, что здесь происходит!

– Может быть, вы...

– Себастьян, завтра исполняется девятнадцать лет со дня убийства моего брата. Не знаю почему, но родители решили отметить годовщину трагедии в том самом имени, где это произошло, и

пригласили всех, кто гостил в доме в этот день девятнадцать лет тому назад.

Голос ее звенит от сдержанного гнева, дрожит от скрытой боли, которую мне хочется как-то унять. Эвелина, сверкнув голубыми глазами, оборачивается к озеру.

– Они устраивают поминки, объявляя их торжеством якобы в мою честь, и, как я предполагаю, меня ждет какой-то жуткий сюрприз, – продолжает она. – Это не праздник, а наказание, свидетелями которого станут пятьдесят гостей, разодетых в пух и прах.

– Неужели ваши родители так злопамятны? – ошеломленно спрашиваю я; меня обуревают чувства, сходные с теми, которые я испытал при виде птицы, разбившейся об оконное стекло, – смесь глубокого сожаления и горечи оттого, что жизнь жестока и несправедлива.

– Сегодня утром мать пригласила меня на прогулку у озера, – говорит она. – А сама не пришла. Наверное, и не собиралась. Ей просто хотелось, чтобы я постояла в одиночестве, вспоминая о случившемся. Вам все ясно?

– Эвелина, я... У меня нет слов.

– А они и не нужны, Себастьян. Богатство отравляет душу, а мои родители уже очень давно богаты – как и большинство гостей, приглашенных на торжество, – вздыхает Эвелина. – Не забывайте, что учтивые манеры – всего лишь маска.

Я страдальчески морщусь, она улыбается, берет меня за руку. Пальцы холодные, а взгляд теплый, участливый. В нем сквозит хрупкая отвага узника, всходящего на эшафот.

– Не бойтесь, милый, – говорит она. – Моих бессонных ночей с лихвой хватает на двоих, вам ни к чему мучиться бессонницей. Лучше, если хотите, загадайте за меня желание. Или за себя самого, – по-моему, вам оно нужнее. – Она достает из кармана монетку, протягивает ее мне. – Вот, возьмите. От камешков толку мало.

Монетка летит долго, на самом дне ударяется не о воду, а о камень. Вопреки совету Эвелины, никаких желаний для себя я не загадываю, лишь молю всех богов, чтобы помогли ей уехать отсюда навсегда, жить счастливо и свободно, независимо от родителей. Я по-детски зажмуриваюсь, надеюсь, что как только открою глаза, все вокруг изменится и сила моего желания сделает невозможное возможным.

– Вы очень изменились, – шепчет Эвелина с едва заметной гримаской, внезапно осознав, что говорить этого не следовало.

– Мы с вами давно знакомы? – удивленно спрашиваю я; прежде мне это не приходило в голову.

– Напрасно я это сказала, – вздыхает она, отходя от меня.

– Эвелина, я провел с вами целый час, так что теперь вы мой лучший друг. Прошу вас, скажите честно, кто я такой.

Она пристально смотрит мне в лицо:

– Об этом вам лучше спросить не у меня. Мы с вами впервые увиделись всего два дня назад, да и то мельком. Все, что мне о вас известно, – это слухи и сплетни.

– Знаете, тот, кто сидит за пустым столом, обрадуется любым крошкам.

Она напряженно сжимает губы, неловко одергивает рукава. Была бы у нее лопата, она бы уже прорыла себе подземный ход. О хорошем человеке рассказывают с большей готовностью, и я заранее страшусь ее слов. Но все-таки настаиваю:

– Прошу вас, объясните. Недавно вы сами говорили, что если мне не нравится, кем я был раньше, то я могу стать другим. Но я не в состоянии этого сделать, если не знаю, кем я был прежде.

Похоже, мои мольбы убеждают ее нарушить молчание. Она глядит на меня из-под ресниц:

– Вы действительно хотите это узнать? Правда бывает жестокой.

– Мне все равно. Главное – понять, что я потерял.

– Не так уж и много. – Она сжимает мою руку в ладонях. – Вы приторговываете наркотиками, Себастьян. И если судить по вашей

приемной на Харли-стрит, сколотили приличное состояние, поставляя богатым бездельникам лекарство от скуки.

– Я...

– Вы приторговываете наркотиками, – повторяет она. – Говорят, сейчас в моде лауданум, но, в общем-то, у вас имеются лекарства на любой вкус.

Я обреченно сникаю. Даже не верится, что прошлое может так жестоко ранить. Известие о том, чем я занимался, пронзает меня насквозь. Да, во мне много изъянов и недостатков, но я гордился тем, что я доктор. Это благородная и честная профессия. Увы, Себастьян Белл запятнал ее, приспособил к своим изменным нуждам, лишил и ее, и себя всего лучшего.

Недаром Эвелина сказала, что правда бывает жестокой. Несправедливо, когда человек познает свою сущность вот так, будто наталкивается в кромешной тьме на заброшенную хижину.

– На вашем месте я бы не расстраивалась. – Эвелина наклоняет голову, пытается поймать мой потупленный взгляд. – Вы сейчас ничуть не похожи на того мерзкого типа.

– Поэтому меня и пригласили? – спрашиваю я. – Чтобы я обеспечивал всех своими гнусными снадобьями?

– Боюсь, что да, – сочувственно улыбается она.

Я цепенею, мысли путаются. Значит, вот чем объясняются странные взгляды, перешептывания, взволнованные вздохи при моем появлении. Я-то думал, что гости мне сочувствовали, а оказывается, они просто нетерпеливо дожидались, когда же я открою свой волшебный сундук...

Какой же я болван!

– Мне...

Не договорив, я срываюсь с места, ноги сами несут меня по лесу, не разбирая дороги. Я выбегаю на подъездную аллею, Эвелина еле поспевает за мной. Она пытается меня остановить, напоминает о Мадлен, но я ее не слушаю, пылая ненавистью к тому, кем был. Я готов смириться с его недостатками и изъянами, но это – подлое

предательство. Он наделал гадостей и сбежал, а я остался на пепелище его жизни.

Дверь Блэкхита распахнута настежь. Я так быстро взбегаю по лестнице в спальню, что приношу с собой запах сырой земли. Тяжело дыша, склоняюсь над сундуком. Неужели из-за этого вчера ночью я ушел в лес? Неужели из-за этого пролилась моя кровь? Что ж, я его уничтожу, а вместе с ним и все, что связывает меня с прошлым.

Я лихорадочно ищу что-нибудь тяжелое, чтобы сломать защелку. Тут в комнату входит Эвелина, сразу понимает, в чем дело, и приносит из коридора увесистый бюст какого-то римского императора.

– Вы просто сокровище! – говорю я и колочу по защелке бюстом.

Утром я с трудом выволок тяжеленный сундук из шкафа, но сейчас он скользит по половицам после каждого удара. Эвелина снова приходит мне на помощь и садится на крышку сундука, удерживая его на месте. Три сильных удара – и защелка с грохотом летит на пол.

Я швыряю бюст на кровать, поднимаю тяжелую крышку.

В сундуке пусто.

Почти пусто.

В уголке лежит шахматная фигура, на ее основании вырезано имя «Анна».

– По-моему, сейчас вам самое время все рассказать, – говорит Эвелина.

8

Мрак жметя к окну моей спальни, дышит холодом на стекла, оставляет на них морозные узоры. На него злобно шипит огонь в камине, колышущиеся языки пламени освещают комнату. За закрытой дверью, в коридоре, слышны торопливые шаги и голоса гостей, спешащих на бал. Издалека доносятся робкие звуки скрипки.

Я вытягиваю ноги к огню, дожидаясь полной тишины. Эвелина попросила меня прийти и на ужин, и на бал, но мне противно общество людей, которые знают, кто я, и ожидают от меня только одного. Мне противен этот дом, противны эти игры. В двадцать минут одиннадцатого я встречу с Анной на кладбище, а потом попрошу конюха отвезти нас в деревню, подальше от этого безумия.

Снова рассматриваю шахматную фигуру, найденную в сундуке, подношу ее к свету, надеясь пробудить еще какие-то воспоминания. Увы, ничего такого не пробуждается, а сама фигура тоже никаких зацепок не дает. Это резной слон ручной работы, покрытый остатками белой краски. Он совершенно не похож на дорогие шахматы из слоновой кости, которые я видел в особняке. И все же... что-то в нем есть. С ним связаны не столько воспоминания, сколько какое-то теплое чувство. Он словно бы придает мне храбрости.

В дверь стучат. Я сжимаю фигурку в руке, встаю с кресла. Чем меньше времени остается до свидания на кладбище, тем больше я нервничаю, чуть ли не выпрыгиваю в окно всякий раз, когда в камине трещат поленья.

– Белл, вы у себя? – спрашивает Майкл Хардкасл из-за двери.

И снова стучит. Настойчиво. Как вежливый таран.

Я ставлю шахматного слона на каминную полку, распахиваю дверь. По коридору идут гости в маскарадных нарядах. Майкл, в ярко-оранжевом костюме, тербит завязки громадной маски в виде солнца.

– Ну наконец-то, – говорит он и недоуменно морщит лоб. – А почему вы еще не одеты?

– Я никуда не пойду, – отвечаю я и неопределенно повожу рукой у виска. – Мне...

Майкл превратно истолковывает мой язык жестов:

– Вам плохо? Позвать Дикки? Я только что его видел...

Хватаю Майкла за руку, чтобы он не бросился на поиски врача.

– Нет-нет, просто я слишком устал, – объясняю я.

– Может, передумаете? Там будет фейерверк, а родители весь день готовили какой-то сюрприз. Не жалко пропускать такое зрелище?

– Нет, я, пожалуй, обойдусь.

– Ну, как вам будет угодно, – произносит он разочарованным тоном; не меньшее разочарование написано и на лице. – Я вам очень сочувствую, Белл, денек выдался тот еще. Надеюсь, завтра все уладится. И никаких недоразумений больше не будет.

– Каких недоразумений?

– Ну, с убитой женщиной, – с улыбкой напоминает он. – Даниель мне сам сказал, что это недоразумение. А я, как дурак, отправил людей на поиски, пришлось отзываться. Ну, ничего страшного.

«Даниель? А откуда он узнал, что Анна жива?»

– Это ведь недоразумение, правда? – уточняет он, видя мое замешательство.

– Да-да, безусловно, – киваю я. – Ужасная ошибка. Простите за беспокойство.

– Ничего страшного, – с некоторым сомнением повторяет он. – Не принимайте близко к сердцу.

Слова его растягиваются, как резина. Он сомневается не только в моих заверениях, но и в том, кто перед ним. В конце концов, я уже не тот, с кем он был знаком, и, по-моему, он начинает подозревать, что я больше не желаю быть тем человеком. Еще утром я был на все готов, чтобы восстановить связь между нами, но Себастьян Белл, трус

и торговец наркотиками, якшался с аспидами. Если Майкл был его другом, то как он может стать моим другом?

– Ну, я пойду, – говорит он, кашлянув. – Набирайтесь сил, старина.

Он еще раз стучит по дверной раме, отворачивается и присоединяется к потоку гостей.

Я смотрю ему вслед, обдумываю услышанное. Я почти забыл о том, как сегодня утром Анна бежала через лес, потому что предстоящая встреча на кладбище ужасает меня больше этого воспоминания. Однако же явно произошло что-то важное, сколько бы Даниель ни утверждал, что ничего не случилось. За Анной гнался некто в черном – наверное, тот самый лакей. Она каким-то образом осталась жива, как и я после вчерашнего нападения. Может быть, именно об этом она и хочет со мной поговорить? Обсудить нашего общего врага? Выяснить, почему он жаждет нашей смерти? Может быть, это из-за наркотиков? Ведь это очень дорогое удовольствие. Может быть, Анна – моя помощница и это она забрала их из сундука, чтобы не достались злодею. Заодно это объяснило бы и шахматную фигуру. А вдруг это какой-то условный знак?

Достаю из шкафа пальто, наматываю вокруг шеи длинный шарф, надеваю пару теплых перчаток, кладу в карман нож для писем и шахматную фигуру и выхожу из спальни. Ночь морозная, студеная. Глаза привыкают к темноте. Вдыхаю свежий воздух, все еще влажный от недавнего дождя, иду по дорожке вокруг дома к кладбищу.

По плечам разливается напряжение, под ложечкой сосет.

Лес меня пугает, но свидание на кладбище пугает еще больше.

Когда я пришел в себя, то хотел лишь узнать, кто я такой, а теперь вчерашнее кажется не трагедией, а благословением. Потеря памяти дала мне шанс начать жизнь заново. Может быть, встреча с Анной вернет мне память? Уцелеет ли моя новообретенная, наскоро сконструированная личность в потоке воспоминаний о прошлом?

Или он меня сметет?

Мысль давит мне на плечи, заставляет вернуться, но я не могу побороть того, кем я был, если просто сбегу из созданной им жизни. Надо быть твердо уверенным в том, кем именно я хочу стать.

Сжав зубы, иду по тропинке между деревьями, мимо хижины садовника. Окна домика темны. К стене прислонилась Эвелина, курит сигарету; у ног стоит зажженный фонарь. На ней длинное бежевое пальто и резиновые сапоги, что странно контрастирует с синим вечерним платьем и бриллиантовой диадемой в волосах. Вообще-то, Эвелина очень красива, но почему-то стесняется своей красоты.

Она замечает, что я это замечаю.

– Не было времени переодеться после ужина, – смущенно поясняет она, отбрасывая сигарету.

– Что вы здесь делаете? – спрашиваю я. – Вас же ждут на балу.

– Я сбежала. Не хочу пропускать самое интересное. – Она затаптывает сигарету.

– Это опасно.

– Тогда тем более глупо идти на кладбище в одиночку. А у меня найдется чем помочь.

Она достает из сумочки черный револьвер.

– Откуда это у вас? – ошеломленно и несколько виновато спрашиваю я, отгоняя предательские мысли о том, что мои неприятности заставили Эвелину взять в руки оружие; лучше бы ей оставаться в тепле, под защитой стен Блэкхита, а не мерзнуть здесь, перед лицом грозящей опасности.

– Позаимствовала у матери, так что лучше спросите, откуда это у нее.

– Эвелина, вам не...

– Себастьян, в этом жутком месте вы у меня единственный друг, и я не позволю вам разгуливать по кладбищу в одиночку, не зная, что вас там ждет. Вас уже пытались убить. Второй попытки я не допущу.

Я чуть не задыхаюсь от благодарности:

– Спасибо.

– Вот еще глупости какие. Это я вас должна благодарить, иначе мне пришлось бы остаться на балу, где меня бы все разглядывали, – заявляет она, поднимая фонарь. – Ну что, пойдём? А то мне не поздоровится, если я не вернусь к тому времени, когда начнут произносить речи.

Над кладбищем тяжело нависла мгла, гнет чугунную ограду, клонит деревья над покосившимися надгробиями. Могилы задыхаются под грудами гниющей листвы, могильные плиты растрескиваются, имена покойников крошатся и исчезают.

– Я расспросила Мадлен о вчерашней записке. – Эвелина открывает скрипучую калитку и входит на кладбище. – Надеюсь, вы на меня не обидитесь.

– Нет, конечно. – Я опасливо озираюсь. – Если честно, я об этом совсем забыл. И что она сказала?

– Записку дала ей миссис Драдждж, наша повариха. Я с ней отдельно побеседовала. Она говорит, что кто-то оставил записку на кухне. Кто – неизвестно. Вчера там было настоящее столпотворение.

– А Мадлен ее прочла? – спрашиваю я.

– Разумеется, – с усмешкой отвечает Эвелина. – Сразу призналась, даже не покраснела. Послание было коротким: приходите немедленно на условленное место.

– И все? Без подписи?

– Да. Простите, Себастьян. Я так хотела узнать побольше.

Мы подходим к склепу в дальнем конце кладбища. Громадный мраморный склеп охраняют два разбитых ангела. С манящей руки одного свисает фонарь, мерцает в темноте, но освещать ему нечего. Кладбище пустынно.

– Может быть, Анна опаздывает? – говорит Эвелина.

– А кто тогда оставил зажженный фонарь?

С отчаянно колотящимся сердцем я бреду по щиколотку в палой листве, насквозь промолив манжеты брюк. Наручные часики Эвелины подтверждают, что назначенное время настало, но Анны нигде нет. Только проклятый фонарь с протяжным скрипом

раскачивается на ветру. Минут пятнадцать мы стоим, окутанные светом, выглядываем Анну в скольжении теней и в шорохе листьев, в шелесте ветвей, склоненных до земли. Мы с Эвелиной то и дело касаемся друг друга, привлекая внимание то к внезапному шуму, то к вспугнутому зверьку в густых зарослях.

Чем дольше мы ждем, тем труднее сдерживать пугающие мысли. Доктор Дикки утверждал, что мои раны получены в попытке увернуться от ножа. А что, если Анна – не друг, а враг? Может быть, поэтому я запомнил ее имя? Вдруг она написала и ту записку, из-за которой я ушел в лес вчера, и записку, которой меня заманили на кладбище сегодня, чтобы здесь прикончить.

Под напором этих мыслей моя и без того хрупкая отвага надламывается, пустоту под ней заполняет страх. Без Эвелины у меня бы уже давным-давно подкосились ноги, но ее храбрость помогает мне устоять.

– По-моему, она не придет, – говорит Эвелина.

– Да, похоже на то, – шепчу я, старательно скрывая облегчение. – Пожалуй, пора возвращаться.

– Конечно, – соглашается она. – Я вам очень сочувствую, милый.

Дрожащими пальцами беру фонарь из ангельской руки и следую за Эвелиной к калитке. Через пару шагов Эвелина хватает меня за руку и подносит свой фонарь к земле. Свет озаряет груды палой листвы, залитые кровью. Я опускаюсь на колени, растираю клейкую кровь большим и указательным пальцем.

– И вот здесь, – негромко произносит Эвелина.

Следы крови ведут к соседнему надгробью, где под листьями что-то поблескивает. Я разгребаю листву, нахожу компас, который утром вывел меня из леса. Он перемазан кровью, стекло разбито, но стрелка упрямо показывает на север.

– Это тот самый компас, который вам дал убийца? – приглушенно шепчет Эвелина.

– Да, – говорю я, взвешивая его на ладони. – Даниель Кольридж сегодня утром унес компас с собой.

– А теперь кто-то отобрал компас у него.

Опасность, о которой, возможно, хотела предупредить меня Анна, очевидно, постигла ее саму, и каким-то образом в этом замешан Даниель Кольридж.

– Пожалуй, вам лучше уехать из Блэкхита, – продолжает Эвелина. – Идите к себе, а я пришлю за вами экипаж.

– Надо найти Даниеля, – неохотно возражаю я. – И Анну.

– Здесь творится что-то ужасное, – шипит она. – Ваши раны, наркотики, Анна, а теперь еще и компас. Все это части какой-то игры, правила которой нам неизвестны. Прошу вас, Себастьян, ради меня, уезжайте! Пусть с этим разбирается полиция.

Я киваю. У меня нет сил спорить. Я задержался здесь только из-за Анны, потому что жалким остаткам моей храбрости удалось убедить меня в том, что согласиться на таинственную встречу – дело чести. Кроме этого, меня здесь ничто не удерживает.

В молчании мы возвращаемся в Блэкхит. Эвелина идет впереди, наставив револьвер во тьму. Я тихо плетусь позади, как верный пес. Вскоре, попрощавшись с Эвелиной, я распахиваю дверь спальни.

В комнате кое-что изменилось.

На кровати лежит коробка, обвязанная красной лентой. Я срываю ее, сдвигаю крышку, и желудок болезненно сжимается, желчь подступает к горлу. В коробке –дохлый кролик, пронзенный кухонным ножом. Свернувшаяся кровь, размазанная по дну коробки и по шерсти кролика, наполовину скрывает записку, приколотую к уху:

*Ваш друг,
Лакей.*

Тьма застит мне глаза.
И я теряю сознание.

9

День второй

Я подскакиваю в кровати от оглушительного грохота, зажимаю уши руками. Морщусь, озираюсь в поисках источника шума и понимаю, что ночью меня куда-то переселили. Вместо просторной спальни с ванной и камином я оказался в тесной комнатухе с белеными стенами и узкой железной кроватью; в оконце струится тусклый свет. У противоположной стены стоит комод, с крючка на двери свисает ветхий бурый шлафрок.

Я сажусь на кровати, ноги касаются холодного каменного пола, по спине пробегает озноб. Очевидно, лакею мало было дохлого кролика, и он решил подстроить мне еще какую-то пакость. Непрекращающийся грохот мешает думать.

Я накидываю на плечи шлафрок, от которого тошнотворно разит дешевым одеколоном, и выглядываю в коридор. Пол покрыт растрескавшейся плиткой, штукатурка на стенах отсырела, вздулась пузырями. Окон нет, только лампы отбрасывают дрожащие пятна тусклого желтого света. Здесь громыхание слышно намного громче. Закрыв уши, иду на звук, дохожу до хлипкой деревянной лестницы, которая ведет наверх, в господский дом. Доска на стене увешана большими жестяными колокольчиками, под каждым табличка с названием комнат и помещений. Колокольчик входной двери дергается так яростно, что чуть ли не сотрясает фундамент особняка.

Не отрывая рук от ушей, смотрю на колокольчик, но прекратить трезвон можно, только сорвав его со стены – или открыв входную дверь. Потуже завязываю пояс шлафрока, взбегаю по ступенькам и оказываюсь в дальнем конце вестибюля. Здесь намного тише, слуги с охапками цветов и прочими украшениями чинной вереницей пересекают вестибюль. Все заняты уборкой зала после вчерашнего ужина и вряд ли слышат звон.

Раздраженно встряхиваю головой, открываю дверь. Передо мной стоит доктор Себастьян Белл.

С безумно вытаращенными глазами, промокший до нитки и дрожащий от холода.

– Ох, бога ради, помогите, – испуганно восклицает он.

Мой мир исчезает.

– У вас есть телефон? – продолжает он; в глазах плещется отчаяние. – Надо позвонить в полицию.

Не может быть.

– Да не стойте же столбом! – кричит он, трясет меня за плечи, и холод его замерзших пальцев пробирает меня даже через пижаму.

Не дожидаясь ответа, он протискивается мимо меня в вестибюль и лихорадочно оглядывается.

Я пытаюсь осознать, что происходит.

Это я.

Это я вчера.

Со мной заговаривают, дергают за рукав, но я не в состоянии сосредоточиться ни на чем, кроме самозванца, с которого вода ручьями льется на пол.

На верхней площадке лестницы появляется Даниель Кольридж.

– Себастьян? – Он кладет руку на перила.

Я смотрю на него, ожидая какой-то подвох, притворство или шутку, но он, как и вчера, легко, чуть ли не вприпрыжку сбегает по ступенькам, такой же самоуверенный, такой же всеобщий любимец.

Меня снова дергают за рукав. Передо мной стоит служанка, озабоченно глядит на меня, шевелит губами.

Я сконфуженно моргаю и перевожу взгляд на нее, вслушиваюсь в ее слова:

– ...мистер Коллинз, что с вами, мистер Коллинз?

Ее лицо мне знакомо, но я не могу понять откуда.

Смотрю поверх ее головы на лестницу, по которой Даниель уже ведет Белла в спальню. Все происходит в точности как вчера.

Отшатнувшись от служанки, бросаюсь к зеркалу на стене. Глаза б мои не глядели... Обожженное лицо, складки и пятна шрамов, кожа загрубелая, как шкурка плода, провяленного жарким солнцем. Я знаю, кто это. Каким-то образом я проснулся дворецким.

С бешено колотящимся сердцем я поворачиваюсь к служанке.

– Что со мной? – хриплю я, сжимаю горло, из которого рвется грубый говор северянина.

– Сэр?

– Как это...

Нет, ее бесполезно расспрашивать. Ответ, заляпанный грязью, поднимается по лестнице к спальне Даниеля.

Я подхватываю полы шлафрока и направляюсь к лестнице, следуя цепочке палых листьев и грязных лужиц дождевой воды. Служанка меня окликает. Поднимаюсь до половины лестничного пролета, но тут она подбегает ко мне и преграждает дорогу, упирая мне в грудь раскрытые ладони.

– Вам туда нельзя, мистер Коллинз, – говорит она. – Вот увидит леди Хелена, как вы в одном исподнем гуляете по господской половине, так вам не поздоровится.

Я пытаюсь ее обойти, но она делает шаг в сторону, снова перекрывая путь.

– Прочь с дороги, девчонка! – восклицаю я, внутренне содрогаясь от того, как резко и требовательно это звучит; так я никогда не разговариваю.

– Мистер Коллинз, ничего страшного, у вас опять приступ, – говорит она. – Пойдемте на кухню, я напою вас чаем.

Голубые серьезные глаза служанки глядят куда-то мне за спину. Я оборачиваюсь, замечаю слуг, собравшихся у лестницы в вестибюле. Они смотрят на нас, сжимая охапки цветов.

– Приступ? – спрашиваю я; сомнение разевает пасть и глотает меня целиком.

– Ну, который из-за ожогов, мистер Коллинз, – тихонько напоминает она. – Вам же иногда чудится всякое. А как выпьете чай,

так и успокаиваетесь, и все хорошо.

Ее теплое участие давит на меня тяжелым грузом. Вспоминаю, как вчера Даниель меня уговаривал, как деликатно подбирает слова, словно я такой хрупкий, что разобьюсь, если на меня надавить. Так же как и эта служанка, он думал, что у меня помутился рассудок. Хотя если со мной такое происходит, если мне *кажется*, что это со мной происходит, то вполне возможно, что они и правы.

Я беспомощно смотрю на нее. Она берет меня за руку, помогает спуститься по ступенькам. Слуги расступаются перед нами.

– Выпьете чайку, мистер Коллинз, – подбадривает она, – и все будет хорошо.

Она ведет меня за руку, будто потерявшегося малыша, мягкое пожатие загрубевшей, мозолистой ладони успокаивает так же, как ласковый девичий голос. Мы выходим из вестибюля, спускаемся по черной лестнице и сумрачным коридором возвращаемся в кухню.

Лоб покрывается испариной. Духовки и плиты пышут жаром, в кастрюлях на огне кипит и булькает какое-то варево. Пахнет подливой, жареным мясом, пирожными, сахаром и потом. Слишком много гостей, слишком мало духовок. Ужин приходится готовить с раннего утра, чтобы успеть в срок.

Откуда я все это знаю?

Нет, я совершенно уверен, что все так и есть, но знать об этом я могу только в том случае, если я и есть дворецкий.

Служанки торопливо несут серебряные подносы с завтраком: яичница-болтуня, копченая селедка. Широкобедрая краснощекая старуха стоит у плиты, громко отдает какие-то распоряжения; обсыпанный мукой передник похож на генеральский мундир, увешанный наградами. Она каким-то чудом замечает нас в кухонной суете, пронзает стальным взглядом сначала служанку, потом меня.

Вытирает руки о передник и шагает к нам.

– Люси, тебя дела заждались, – сурово говорит она.

Служанка мешкает, раздумывая, стоит ли возражать.

– Да, миссис Драддж.

Разжимает ладонь, выпускает мою руку, пальцы оставляют на ней заплатку пустоты. Служанка участливо улыбается и уходит, затерявшись среди шума.

– Садитесь, Роджер, – говорит миссис Драддж почти ласково. У нее разбита губа, у рта наливаются синяк. Похоже, ее кто-то ударил. Шевеля губами, она морщится.

На середине кухни стоит деревянный стол, уставленный блюдами с ветчиной, языком и жареными курами. Запыхавшиеся поварята, румяные, будто их тоже запекли в печи, добавляют все новые и новые блюда к супам и жарким, к подносам лаково блестящих овощей.

Я отодвигаю стул, сажусь.

Миссис Драддж вытаскивает из духовки противень сдобных плюшек, перекладывает одну на тарелку, добавляет завиток сливочного масла. Ставит тарелку передо мной, касается меня рукой, твердой и загорелой, как старая кожа.

Долго смотрит на меня, участие сквозит во взгляде, колком, как чертополох. Она отворачивается, прикрикивает на поварят.

Плюшка очень вкусная, растопленное масло течет по пальцам. Прожевывая первый кусок, я снова замечаю Люси и наконец вспоминаю, где ее видел. Это служанка, которая в обед будет убирать посуду в гостиной, потом ее грубо отругает Тед Стэнуин, а Даниель Кольридж защитит. Она очень хорошенькая, веснушчатая, голубоглазая, рыжие пряди выбиваются из-под чепчика. Она пытается открыть банку варенья, морщит личико от напряжения.

«Ее передник был перепачкан вареньем».

Все происходит словно бы замедленно, банка выскальзывает из рук, падает на пол, осколки разлетаются по всей кухне, варенье заляпывает передник.

– Да чтоб тебя, Люси Харпер! – раздраженно кричит кто-то.

Опрокинув стул, я выбегаю из кухни, мчусь к лестнице, выскакиваю на первый этаж, сворачиваю за угол в гостевой коридор и сталкиваюсь с худощавым типом в белой рубашке, покрытой

угольными разводами; растрепанные черные кудри лезут в глаза. Я извиняюсь, гляжу ему в лицо. Передо мной Грегори Голд, облаченный в ярость, как в костюм. Глаза сверкают безумием, сам он дрожит от гнева, и я слишком поздно вспоминаю, что последует дальше и как выглядел дворецкий после того, как над ним надругалось это чудовище.

Я пячусь, но он длинными пальцами хватает меня за шлафрок:

– Не стоит...

В глазах темнеет, мир превращается в разноцветный мазок, потом во вспышку боли. Я ударяюсь о стену, падаю на пол. Из разбитой головы льется кровь. Он стоит надо мной, сжимая в руке кочергу.

– Умоляю... – шепчу я, стараясь отползти в сторону. – Я не...

Он пинает меня в бок, вышибает воздух из груди.

Бессильно тяну к нему руку, пытаюсь что-то сказать, но он свирепеет еще больше, осыпает меня пинками. Я беспомощно сворачиваюсь в клубок, а он продолжает изливать на меня свой гнев.

Я едва дышу, ничего не вижу. Рыдаю, погребенный в боли.

И теряю сознание.

10

День третий

Темно, тюль на окне трепещет от дыхания безлунной ночи. Простыни мягкие, кровать удобная, под балдахинном.

Я сжимаю пуховое одеяло, улыбаюсь.

Мне приснился кошмар, только и всего.

Медленно, удар за ударом, сердце успокаивается. Вкус крови во рту исчезает вместе с остатками сна. Пару секунд я вспоминаю, где нахожусь, еще через пару секунд замечаю смутные очертания человека в углу комнаты.

Дыхание перехватывает.

Высовываю руку из-под одеяла, тянусь к прикроватной тумбочке за спичками, но коробок ускользает из пальцев.

– Кто здесь? – спрашиваю темноту, не в силах сдержать дрожь в голосе.

– Друг.

Голос мужской, глухой и глубокий.

– Друзья в темноте по углам не прячутся, – возражаю я.

– А я не говорил, что я ваш друг, мистер Дэвис.

Вслепую шарю по тумбочке, едва не сбиваю на пол керосиновую лампу. Неловко придерживаю ее и нащупываю спичечный коробок, который прячется за лампой.

– Не зажигайте свет, – вещает темнота. – Он вам не поможет.

Дрожащими пальцами сжимаю спичку, подношу огонек к лампе. За стеклом вспыхивает пламя, разгоняет тени по углам, освещает моего ночного гостя. Того самого незнакомца в наряде чумного лекаря, с которым я уже встречался. Он кутается в тяжелый обтрепанный плащ; цилиндр и фарфоровая маска с длинным клювом скрывают лицо, оставляя на виду одни глаза. Руки в перчатках сжимают черную трость с инкрустированной серебром

надписью по всей длине; шрифт слишком мелкий, издали не разобрать.

– Хорошо, что вы наблюдательны, – замечает Чумной Лекарь.

Где-то в доме слышны шаги; у меня мелькает мысль, что даже разыгравшееся воображение вряд ли способно создать такой замысловатый сон.

– Какого черта вы забрались ко мне в спальню? – возмущенно спрашиваю я и сам удивляюсь своей неожиданной храбрости.

Человек в клювастой маске перестает разглядывать комнату, снова обращает взор на меня.

– У нас много дел, – говорит он. – Есть загадка, которая требует решения.

– По-моему, вы меня с кем-то путаете, – сердито заявляю я. – Я врач.

– Вы были врачом, – кивает он. – Потом дворецким. Сейчас вы – богатый бездельник, а завтра будете банкиром. Но никто из них не имеет отношения к вашему истинному облику, к вашей индивидуальности. Как только вы приехали в Блэкхит, вас лишили и лица, и личности. Впрочем, когда вы покинете имение, вам их вернут. – Он достает из кармана зеркальце, швыряет его на кровать. – Вот, убедитесь сами.

Зеркало, дрожащее в моей руке, отражает молодого человека с ярко-голубыми глазами, в которых нет ни одной мысли. Лицо в зеркале – не Себастьян Белл и не обожженный дворецкий.

– Его зовут Дональд Дэвис, – объясняет Чумной Лекарь. – У него есть сестра Грейс и лучший друг Джим. А еще он не любит арахиса. Этот день вы проведете в облике Дэвиса, а завтра, когда проснетесь, станете кем-то еще. Вот так все и устроено.

Значит, это был не сон. Все произошло на самом деле. Я дважды прожил один и тот же день в телах двух разных людей. Я сам с собой разговаривал, укорял и глядел на себя чужими глазами.

– Я схожу с ума? – спрашиваю я, глядя на незнакомца поверх зеркала.

– Нет, конечно, – отвечает Чумной Лекарь надтреснутым, чуть дрожащим голосом. – Безумие стало бы избавлением, но в Блэкхите заслужить избавление можно только одним способом. Поэтому я и здесь. Хочу вам кое-что предложить.

– С какой стати вы так со мной обращаетесь? – возмущаюсь я.

– Мне льстит подобное предположение, но то, что происходит с вами, – не моих рук дело. И то, что происходит в Блэкхите, – тоже.

– А чьих же тогда?

– Тех, с кем вам не стоит встречаться, да и надобности в том нет. – Он пренебрежительно взмахивает рукой, словно отменяя саму мысль об этом. – Так вот, возвращаясь к тому, что я хочу вам предложить...

– Мне нужно объясниться, – говорю я.

– С кем?

– С тем, кто доставил меня сюда. С тем, кто сможет меня освободить, – цежу я сквозь зубы, стараясь не дать воли гневу.

– Ну, первого уже давно нет, а второй – перед вами, – говорит он, обеими руками ударяя себя в грудь; маскарадный костюм придает жесту некую театральность, заученность.

Внезапно я ощущаю себя актером в пьесе, где все, кроме меня, знают текст своих ролей.

– Только я знаю, как вы сможете покинуть Блэкхит, – произносит он.

– Это связано с тем, что вы хотите мне предложить? – недоверчиво уточняю я.

– Совершенно верно. Это даже не предложение, а загадка. – Он вытаскивает из кармана часы, смотрит на циферблат. – Сегодня на балу кого-то убьют. Убийство будет подстроено как несчастный случай, поэтому убийцу искать не станут. Восстановите справедливость, и я объясню, как вам отсюда выбраться.

Я напряженно стискиваю простыню.

– Если в вашей власти меня освободить, то почему вы этого сразу не сделаете, черт бы вас побрал! – восклицаю я. – Зачем все эти игры?

– Затем, что вечность – скучная штука, – отвечает он. – Или потому, что в игре главное – игра. Поразмышляйте над этим на досуге, только не затягивайте, мистер Дэвис. Сегодняшний день повторится восемь раз, и вы проживете его в облике восьми разных людей. Белл – ваше первое обличье, дворецкий – второе, мистер Дэвис – третье. Вам осталось еще пятеро. На вашем месте я бы поторопился. Когда найдете ответ и доказательства, приходите к озеру в одиннадцать часов вечера. Я буду ждать.

– Не желаю играть в дурацкие игры ради вашего удовольствия! – рычу я, наклоняясь к нему.

– Ну и не играйте, только знайте одно: если к концу дня пребывания в последнем, восьмом обличье вы не отыщете разгадки, вас лишат памяти, вернут в облик доктора Белла, и все начнется сначала. – Он снова смотрит на часы, кладет их в карман, сокрушенно цокает языком. – Надо же, как летит время. Если вы готовы к совместной работе, то в нашу следующую встречу я отвечу вам еще на несколько вопросов.

В окно врывается порыв ветра, гасит лампу, обволакивает нас темнотой. Я снова нахожу спички, зажигаю лампу, но Чумного Лекаря уже нет.

Напуганный и недоумевающий, я как ужаленный спрыгиваю с кровати, распахиваю дверь и выглядываю в холодный коридор. За дверью темнота. Может быть, незнакомец стоит в пяти шагах от меня, только я его не вижу.

Захлопываю дверь, подбегаю к шкафу, поспешно натягиваю на себя что попадается под руку. Тот, в чьем обличье я сейчас нахожусь, – человек невысокого роста, стройный и предпочитает одежду ярких цветов. Поэтому в итоге мой наряд выглядит так: лиловые брюки, оранжевая сорочка и желтый жилет. Из глубины шкафа достаю пальто и шарф, надеваю, выхожу из спальни. Утром убийство, вечером маскарад, загадочные записки и обожженные дворецкие – что бы здесь ни происходило, я не намерен быть чьей-то марионеткой.

Мне надо отсюда сбежать.

На лестничной площадке обе стрелки на циферблате укоризненно тикающих напольных часов устало тычутся чуть ниже цифры 3. Семнадцать минут четвертого. Жаль, что придется будить конюха в такую рань, но другого выхода у меня нет. Иначе я отсюда не уеду. Сбегаю по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, спотыкаюсь на ходу – у этого расфуфыренного павлина до смешного крошечные ступни.

Ни в Белле, ни в дворецком я ничего подобного не ощущал, а в этом теле мне тесно, я распираю его изнутри, оно трещит по швам. Двигаюсь неуклюже, будто пьяный.

Открываю парадную дверь. В вестибюль залетают палые листья. Дует сильный ветер, льет дождь, лес качается и скрипит. Мерзкая ночь цвета взбаламученной сажки. Мне нужен какой-нибудь фонарь, иначе я упаду по дороге и сверну себе шею.

Возвращаюсь, иду к черной лестнице в дальнем конце вестибюля. Перила шершавые, ступени шаткие. К счастью, лампы все еще струят прогорклый свет, крошечные огоньки возмущенно трепещут. Коридор длиннее, чем мне помнится, беленые стены сочатся влагой, сквозь штукатурку прорывается запах земли. Все отсырело, прогнило. Я и раньше замечал запущенные уголки Блэкхита, но здесь просто какая-то целеустремленная разруха. Удивительно, что в особняке еще остались слуги, ведь хозяева о них совершенно не заботятся.

На кухне я лихорадочно обыскиваю полки, нахожу керосиновый фонарь и спичечный коробок. Дважды чиркаю спичкой, зажигаю фонарь и, взбежав по лестнице, выхожу из вестибюля в грозу.

Свет фонаря когтем царапает тьму, дождь жалит глаза.

С подъездной аллеи сворачиваю на мощеную дорожку, ведущую к конюшне; вокруг тяжело вздыхает лес. Оскользываясь на неровной брусчатке, щурю глаза, озираюсь в поисках домика конюха, но яркий свет фонаря не столько освещает, сколько скрывает округу. Как и прежде, во дворе теснятся экипажи, накрытые брезентовыми

полотнищами, хлопающими на ветру. В стойлах появились лошади, всхрапывают во сне.

Отряхиваю с ботинок навоз, подбегаю к дому, колочу по притолоке дверным молотком. Спустя несколько минут в окне вспыхивает огонек, дверь чуть приоткрывается, в щелочку выглядывает заспанное старческое лицо. На пороге стоит конюх, в рубахе и кальсонах.

– Мне надо уехать, – говорю я.

– Прямо сейчас, сэр? – недоуменно спрашивает он, трет глаза, смотрит в черное небо. – В такую непогоду только за смертью посылать.

– Дело срочное.

Он вздыхает, глядит на меня и, распахнув дверь, приглашает войти. Надевает штаны, вздергивает подтяжки на плечи, движется медленно, будто в полудреме, как тот, кого неожиданно оторвали ото сна. Берет куртку с гвоздя и выходит, делая мне знак остаться.

Честно говоря, я и сам рад остаться. В домике тепло и уютно, приятно пахнет кожей и мылом. Мне очень хочется проверить расписание работ, посмотреть, есть ли там записка от Анны, но, как только я протягиваю руку к листку бумаги, раздается страшный шум, и глаза слепит резкий свет за окном. Выхожу под дождь. Старый конюх сидит в зеленом автомобиле, который чихает и трясется, будто больной в горячке.

– Вот, сэр, – говорит конюх, выходя из авто. – Я для вас мотор завел.

– Но...

Я растерянно гляжу на хитроумную штуковину.

– А обычного экипажа нет? – спрашиваю я.

– Есть, но лошади боятся грома, сэр. – Конюх лезет под рубаху, почесывает подмышку. – Как понесут, не приведи господь, можно и не справиться.

– Я не справлюсь с этой тархтелкой, – с ужасом бормочу я, рассматривая жуткое механическое чудовище. Капли звонко стучат

по металлическому корпусу, ветровое стекло превращается в лужу.

– Легче легкого, сэр, – говорит конюх. – Беретесь за руль, направляете, куда вам надо, и вжимаете ножную педаль в пол. Вот и вся наука.

Его уверенность, будто чья-то рука, вталкивает меня в авто, дверца с тихим щелчком закрывается.

– Доедете до конца по мощеной дороге, там будет левый поворот на грунтовку, – объясняет он, указывая куда-то в темноту. – Она вас выведет к самой деревне. Дорога длинная и прямая, только с колдобинами. Минут за сорок доберетесь, а может, и за час, если ехать осторожно. И не волнуйтесь, мимо деревни не проедете, сэр. А там просто оставьте автомобиль на приметном месте, я утром за ним кого-нибудь пришлю.

С этими словами он уходит в дом, со стуком захлопывает дверь.

Вцепившись в руль, я разглядываю рычаги и циферблаты, пытаюсь отыскать в них какое-то подобие логики. Легонько жму на педаль, проклятая штуковина дергается вперед. Надавливаю сильнее. Автомобиль послушно проезжает под аркой и, подпрыгивая на булыжниках, катит по мощеной дороге до левого поворота на грунтовку, о котором говорил конюх.

Дождь застит ветровое стекло, то и дело приходится выглядывать в окно, проверять, куда я еду. Фары освещают грунтовую дорогу, усыпанную жухлыми листьями и сорванными ветвями; по ней струятся потоки воды. Невзирая на опасность, я жму на педаль акселератора, робость сменяется возбуждением. Наконец-то я покинул Блэкхит и с каждой пройденной милей удаляюсь все дальше и дальше от царящего там безумия.

Занимается заря, серым мазком не столько освещает, сколько пятнает окрестности; к счастью, дождь прекращается. Дорога убегает вперед, лес бесконечен. Где-то в чаще Белл приходит в сознание и видит убийство девушки. Убийца оставит его в живых и вручит ему серебряный компас, указывающий на место, в котором происходит нечто необъяснимое, а Белл, как дурак, решит, что чудом спасся. Но

как можно одновременно быть и в чаще, и в автомобиле – а в промежутке еще и дворецким? Руки сильнее сжимают руль. Если вчера я, будучи Себастьяном Беллом, беседовал с дворецким, значит тот, кем я буду завтра, уже находится в Блэкхите. Может быть, я с ним даже встречался. И не только завтра, но и послезавтра, и послепослезавтра. Но в таком случае кто я? Или они? Осколки одной и той же души, виноватые в грехах друг друга, или совершенно разные люди, бледные копии какого-то давно забытого оригинала?

Стрелка топливного бака приближается к красной черте; из-за деревьев на дороге выползает густой туман. Недавнее триумфальное возбуждение рассеивается. Я давным-давно должен был бы приехать в деревню, но вдали не видно дыма из труб, да и лес все не кончается.

Автомобиль вздрагивает, с лязгом и скрежетом испускает последний вздох и останавливается в нескольких шагах от Чумного Лекаря, черный плащ которого четко вырисовывается в белом тумане. У меня затекли ноги, спина ноет, но ярость выталкивает меня из авто.

– Не надоело еще валять дурака? – спрашивает Чумной Лекарь, обеими руками опираясь на трость. – Вместо того чтобы добиться в этом обличье кое-чего полезного, вы попусту теряете время на бесплодные попытки уехать. Блэкхит вас не отпустит, как бы вы ни рвались с поводка. А между тем ваши соперники без устали занимаются расследованием.

– Значит, у меня есть соперники? – презрительно спрашиваю я. – Судя по всему, у вас в запасе еще много всяких фокусов. Сначала выясняется, что сбежать отсюда нельзя, а теперь оказывается, что за право освободиться устроено целое соревнование. – Я подступаю к нему, собираясь силой выбить из него свободу. – Вам все еще непонятно? Меня не интересуют правила вашей игры, потому что я не намерен принимать в ней участие. Если меня не выпустят, то вы об этом горько пожалеете.

Мне остается два шага до незнакомца, и тут он наставляет на меня трость. Ее конец висит в дюйме от моей груди, и это почему-то выглядит ужаснее, чем дуло заряженной пушки. Серебристая вязь слов ритмично мерцает, сама трость испускает слабое сияние, испепеляющее туман. Тело обдает жаром. Я совершенно уверен, что, захоти он этого, трость прожжет меня насквозь.

– Дональд Дэвис всегда ведет себя как мальчишка, – укоризненно замечает незнакомец, глядя, как я поспешно отступаю на шаг. – У вас нет времени потакать его капризам. Кроме вас, в особняке есть еще два узника. Они, как и вы, тоже принимают обличье гостей либо слуг. Покинуть Блэкхит может только один из вас, и это будет тот, кто первым сообщит мне ответ. Теперь-то вам ясно? К освобождению ведет не грунтовая дорога, а я. Если вам невмоготу, попробуйте сбежать, бегите, пока ноги не отнимутся. И пока будете раз за разом просыпаться в Блэкхите, затвердите крепко-накрепко, что здесь нет ничего случайного, ничего произвольного. Вы останетесь здесь до тех пор, пока я не сойду с вас. – Он опускает трость, вытаскивает карманные часы, смотрит на циферблат. – А с вами мы еще побеседуем, когда вы успокоитесь. Мой вам совет: используйте обличья с умом. Ваши соперники очень ловки, они не разбрасываются отведенным им временем.

Мне очень хочется налететь на него с кулаками, но теперь, когда красная пелена перед глазами рассеялась, я осознаю, что это глупая затея. Несмотря на просторное одеяние незнакомца, понятно, что он достаточно крепок и запросто со мной справится. Поэтому я огибаю его – он шествует в Блэкхит – и устремляюсь вперед, в туманную дымку. Может быть, дорога и впрямь бесконечна, а никакой деревни и вовсе нет, но я должен в этом убедиться сам.

По своей воле я не намерен участвовать в игре безумца.

11

День четвертый

Просыпаюсь с хриплым стоном, раздавленный монументальной машиной – брюхом моего нового тела. Помню только, как в изнеможении упал на дорогу, по которой шел много часов, воя от ярости, но так и не обнаружил деревни. Чумной Лекарь сказал правду. Из Блэкхита не сбежать.

Дорожные часы на прикроватном столике показывают половину одиннадцатого. Хочу встать, но тут из двери в соседнюю комнату появляется какой-то человек, подходит к серванту и опускает на него серебряный поднос. Незнакомцу с виду лет тридцать; он высок, темноволос и гладковыбрит. Внешность у него приятная, но в целом ничем не примечательная. На крохотном носу сидят очки, глаза устремлены к окну. Он молча пересекает спальню, распахивает шторы и открывает окно, из которого видны сад и лес.

Я в изумлении слежу за ним.

Его движения до странности точны и четки. Он действует быстро и слаженно, не тратя лишних усилий, словно экономит силы для каких-то великих трудов.

С минуту он стоит у окна, повернувшись ко мне спиной. Холодный воздух врывается в комнату. Создается впечатление, будто от меня чего-то ждут, что эта пауза выдерживается ради меня, но я понятия не имею, что делать. Чувствуя мое замешательство, он прерывает свои бдения, подходит к кровати, берет меня под мышки и приподнимает в сидячее положение.

За его помощь я расплачиваюсь стыдом.

Шелковая пижама насквозь пропитана потом, а вонь немытого тела вызывает резь в глазах. Не обращая внимания на мое смущение, мой помощник берет поднос, осторожно опускает мне на колени и снимает с него крышку. На подносе красуются тарелки со свиными отбивными и огромной порцией яичницы с беконом, а

также чайник и кувшин молока. Обычно такое обилие еды меня бы напугало, но сейчас, умирая от голода, я набрасываюсь на нее, как дикий зверь; высокий человек – судя по всему, мой камердинер – скрывается за китайской ширмой, откуда слышен звук льющейся воды.

Перевожу дух и озираюсь. В отличие от скромно обставленной спальни Белла, эти покои купаются в роскоши. Красные бархатные шторы струятся по окнам, алыми лужицами застывают на синем ковре. На стенах – яркие пятна картин, лакированная мебель красного дерева отполирована до зеркального блеска. Очевидно, тот, в чьем теле я нахожусь, пользуется большим уважением в семействе Хардкасл.

Камердинер возвращается и видит, как я, объевшись, с тяжелым вздохом утираю салфеткой жирные губы. Наверное, ему противно. Мне тоже противно. Чувствую себя боровом у кормушки. Как бы то ни было, камердинер невозмутимо убирает поднос и подставляет плечо под мою руку, помогая подняться с кровати. Бог знает как часто он проделывает этот ритуал или сколько ему за это платят, но мне и одного раза хватает. Почти волоком, как раненого с поля боя, он ведет меня за ширму, к ванне с горячей водой.

И там начинает меня раздевать.

Несомненно, все это часть утренних процедур, но я сгораю от стыда. Мне претит это чужое тело, при ходьбе обвислые складки плоти на ляжках мерзко трутся друг о друга.

Я безуспешно пытаюсь отогнать помощника.

– Милорд, вы не смо... – Он осекается, тщательно подбирает слова: – Вам будет неудобно принимать ванну самому.

Хочу послать его подальше, пусть удавится, лишь бы оставил меня в покое, но понимаю, что он прав.

Закрываю глаза и покоряюсь.

Уверенными движениями он расстегивает на мне пижамную рубашку, стягивает с меня штаны, по одной поднимает мне ноги,

чтобы я не запутался в пижаме. Через несколько секунд я остаюсь нагишом, и мой помощник почтительно отступает на шаг.

Открываю глаза, вижу свое отражение в большом зеркале на стене. Я похож на гротескное изображение человека: кожа желтушная, вспухшая, из гнезда волос в паху выглядывает вялый пенис.

От стыда и отвращения я невольно всхлипываю, исторгая глубокий стон.

На лице камердинера возникает удивленное выражение, на миг сменяется насмешливым. Впрочем, это открытое проявление чувств мимолетно.

Он торопливо подходит ко мне, помогает забраться в ванну.

Помню, с каким наслаждением я принимал горячую ванну в теле Белла, но теперь радости не испытываю. Мой огромный вес превращает удовольствие от купания в унижительную процедуру – из ванны придется как-то выбираться.

– Можно приступать к утренним докладам, лорд Рейвенкорт? – спрашивает камердинер.

Скованно сидя в ванне, я мотаю головой – надеюсь, что он все-таки выйдет из спальни.

– Сегодняшние развлечения включают охоту и прогулку по лесу. Позвольте осведомиться, что...

Я снова мотаю головой, гляжу на воду. Как долго мне все это терпеть?

– В таком случае остаются визиты.

– Отменить, – тихо говорю я. – Все отменить.

– Даже встречу с леди Хардкасл, милорд?

Первый раз смотрю в зеленые глаза. Чумной Лекарь настаивает, что для того, чтобы покинуть особняк, я должен найти убийцу; наверняка владелица имения поможет мне разобраться в тайнах Блэкхита.

– Нет, этот визит не отменяйте, – говорю я. – А где мы с ней встречаемся?

– В ваших покоях, милорд, если вам так будет угодно.

– Да, вполне приемлемо.

– Будет исполнено, милорд.

Исчерпав этим список дел, мой помощник коротко кланяется и оставляет меня наедине с моими несчастьями.

Я закрываю глаза и опускаю голову на край ванны, пытаюсь разобраться в происходящем. Душа, оторванная от тела, для многих означает смерть, но глубоко внутри я понимаю, что это не потусторонний мир. В аду было бы уютнее, да и прислуги меньше; вдобавок трудно судить человека, лишенного грехов.

Нет, я вполне себе жив, только в каком-то неведомом состоянии. Оно коварнее смерти, и я в нем не одинок. Чумной Лекарь утверждал, что за право покинуть Блэкхит соревнуются трое. Может быть, лакей, приславший мне дохлого кролика, попал в ту же западню, что и я? Возможно, этим объясняются его попытки меня запугать. Трудно выиграть гонку, если боишься финиша. Может быть, Чумной Лекарь развлекается, натравливая нас друг на друга, как полуголодных псов на собачьих боях.

«А может быть, к его словам стоит прислушаться».

– О, травма заговорила, – бормочу я внутреннему голосу. – Она же осталась в Белле.

И сразу же осознаю фальшь своего заявления. Моя связь с внутренним голосом имеет ту же природу, что и связь с Чумным лекарем и лакеем. Нас объединяет какая-то таинственная история, хотя я ее не помню. Все они – часть того, что со мной происходит, кусочки головоломки, которую я пытаюсь сложить. Неизвестно, друзья они или враги, но, чем бы в действительности ни был этот голос, он меня еще ни разу не подвел.

Однако же более чем наивно полагаться на своего тюремщика. Нелепо даже думать, что все это закончится, как только я обнаружу убийцу. Истинные намерения Чумного Лекаря таятся под маской в полумночной темноте. Он скрывается от посторонних глаз, так что угроза сорвать маску может на него подействовать.

Смотрю на часы, обдумываю свои дальнейшие действия.

Мне известно, что он явится в кабинет для беседы с Себастьяном Беллом – то, что Белл был моим предыдущим обличем, все еще не укладывается у меня в голове, – после чего гости пойдут на охоту, и это предоставит мне отличную возможность его перехватить. Я готов исполнить его требование и отыскать убийцу, но, кроме этого, мне надо сделать кое-что еще. Чтобы получить свободу, я должен узнать, кто именно похитил мою личность, а для этого требуется помощь.

По словам Чумного Лекаря, я уже впустую потратил три из отпущенных мне восьми дней – в облике Себастьяна Белла, дворецкого и Дональда Дэвиса. Значит, у меня остается пять обличей, включая свое собственное, и, судя по встрече Белла с дворецким, все они сейчас в Блэкхите.

Целая армия помощников.

Теперь бы еще узнать, кто из них кто.

12

Вода давно остыла, я посинел от холода, меня бьет дрожь. Исключительно из тщеславия я содрогаюсь при мысли о том, что камердинеру Рейвенкорта придется вытаскивать меня из ванны, будто подмокший мешок картошки.

Почтительный стук в дверь избавляет меня от принятия дальнейших решений.

– Милорд, у вас все хорошо? – спрашивает камердинер, входя в спальню.

– Да, вполне, – отвечаю я, хотя руки немеют.

Он заглядывает за ширму, смотрит на меня. Потом, не дожидаясь распоряжений, закатывает рукава и поднимает меня из воды; под обманчивой худобой кроется завидная сила.

На этот раз я не возражаю. Гордость меня покинула.

Он помогает мне выбраться из ванны. Из-под рукава сорочки виднеется край выцветшей татуировки. Рисунок зеленоватый, подробностей не разобрать. Видя, что я заметил наколку, камердинер поспешно одергивает рукав.

– Грехи юности, милорд, – объясняет он.

Минут десять я испытываю муки унижения, пока он вытирает меня насухо и заботливо облачает в костюм: сначала одна нога, потом другая, сперва одна рука, потом другая. Все сшито великолепно, из шелка, но наряд безжалостно жмет, сдавлирует и тянет во всех местах, будто целая орава любящих тетушек. Вся одежда на размер меньше, чтобы потрафить хозяйскому самолюбию. Наконец камердинер меня причесывает, втирает в пухлые щеки кокосовое масло и вручает мне зеркало, чтобы я мог оценить результаты его трудов. Зеркало отражает человека лет шестидесяти, с подозрительно черными волосами и карими глазами цвета спитого чая. Пытаюсь отыскать во взгляде хоть какой-то намек на себя, на того, кто сейчас управляет Рейвенкортом-марионеткой, но так

ничего и не нахожу. Впервые задумываюсь, кем же все-таки я был раньше, до того, как приехал в Блэкхит, и какие действия привели меня в эту западню.

Эти размышления, сами по себе довольно занимательные, невероятно раздражают.

Разглядываю отражение Рейвенкорта, а по коже пробегает озноб, как и вчера, когда я увидел отражение Белла. Очевидно, в какой-то части сознания сохранилась память о моем настоящем облике, и я всякий раз недоумеваю, когда зеркало отражает незнакомые черты.

Отдаю зеркало камердинеру.

– Нам нужно в библиотеку, – говорю я.

– Я знаю, где она, милорд, – отвечает он. – Принести вам книгу?

– Я пойду с вами.

Камердинер умолкает, задумчиво морщит лоб. Потом произносит с сомнением в голосе – слова звучат осторожно, будто на цыпочках пробираются по зыбкой почве:

– Библиотека далеко, милорд. Боюсь, прогулка покажется вам... утомительной.

– Как-нибудь справлюсь. Небольшая разминка мне не повредит.

Он стискивает зубы, удерживая череду возражений, приносит трость, берет портфель и выводит меня в темный коридор, где керосиновые лампы заливают стены теплыми лужицами света.

Мы идем медленно, камердинер швыряет мне под ноги крохи новостей, но мой ум занят размышлениями о тяжеловесности тела, которое я упрямо толкаю вперед. Похоже, что какой-то злодей за ночь перестроил особняк, растянул помещения, сгустил воздух. Доковыляв до неожиданно яркого вестибюля, я с удивлением замечаю невероятную крутизну лестницы. В облике Дональда Дэвиса я стремглав сбегал по ступенькам, а сегодня утром по ним не подняться без альпенштока. Теперь понятно, отчего лорд и леди Хардкасл отвели Рейвенкору покои в первом этаже. Для того чтобы попасть в спальню Белла, мне понадобятся подъемник и два силача, которые к тому же запросят плату за день работы.

Я часто останавливаюсь, перевожу дух, что позволяет мне наблюдать за гостями, разгуливающими по особняку. С первого взгляда ясно, что особого веселья никто не испытывает. Из углов доносятся нервные перешептывания и отголоски напряженных споров, в коридорах звучат разговоры на повышенных тонах, хлопают двери, обрывая диалог на полуслове. Супруги ссорятся, крепко сжимают бокалы, багровеют от еле сдерживаемой злобы. Каждая реплика щетинится шипами, в колючем воздухе разлита угроза. Может быть, это просто нервическое состояние или обманчиво мудрое предчувствие, но Блэкхит полнится ожиданием трагедии.

До библиотеки я добираюсь на дрожащих ногах, спина ноет, утомленная вертикальным положением. К сожалению, награды за перенесенные страдания я не получаю. Пыльные полки гнутся под тяжестью книг, замшелый красный ковер льнет к половицам. Холодные головешки в камине чернеют древними костями, напротив стоит небольшой стол и неудобное деревянное кресло.

Мой спутник выражает свои чувства, сокрушенно прищелкнув языком:

– Прошу прощения, милорд, я сейчас принесу кресло из гостиной.

Оно мне действительно понадобится. Набалдашник трости до боли натер левую ладонь, ноги подкашиваются. Сорочка взмокла от пота, все тело зудит. Прогулка по особняку превратила меня в развалину; добраться до озера раньше соперников я смогу только в ином облике, желательно в теле того, кому под силу одолеть лестницу.

Камердинер приносит большое кресло, ставит его передо мной. Берет меня под руку, усаживает на зеленые подушки.

– Позвольте осведомиться о цели нашего визита в библиотеку, милорд?

– Если повезет, мы встретимся с друзьями, – отвечаю я, утирая лицо носовым платком. – У вас найдется бумага?

– Да, конечно, милорд.

Он вытаскивает из портфеля стопку листков и авторучку, готовится записывать. Я собираюсь сказать, что не нуждаюсь в его услугах, но гляжу на потную натертую ладонь и решаю, что в данном случае гордость – бедная родственница разборчивости.

С минуту подбираю слова, потом начинаю диктовать:

– Логично предположить, что многие из вас гостят здесь дольше меня и обладают более пространными сведениями об особняке, о Чумном Лекаре и о том, зачем мы ему понадобились.

Я умолкаю, слушаю шорох пера по бумаге.

– Вы меня не искали. Полагаю, для этого существует веская причина, но я предлагаю вам всем сегодня в обед собраться в библиотеке и помочь мне задержать того, кто нас отсюда не выпускает. Если ваше присутствие невозможно, прошу вас, изложите на этом листе все, что вам удалось узнать. Любые сведения, даже самые незначительные, могут принести огромную пользу и ускорить наш отъезд. Как говорят, одна голова хорошо, а две лучше, но в нашем случае вполне можно обойтись одной, зато совместной.

Дожидаюсь, пока камердинер закончит писать, смотрю ему в лицо. Он озадачен и изумлен. Он вообще весьма любопытный тип, совсем не так прост, как кажется.

– Куда отправить письмо, милорд? – спрашивает он.

– Вот сюда, – говорю я, указывая на книжную полку. – Вложите его между страницами первого тома Британской энциклопедии, адресаты его там найдут.

Он смотрит на меня, переводит взгляд на послание, а потом выполняет мое распоряжение. Страница аккуратно проскальзывает в энциклопедию. По-моему, ей там самое место.

– Когда ждать ответа, милорд?

– Через несколько минут – или через несколько часов. Придется проверять регулярно.

– И что теперь делать? – Он достает носовой платок, вытирает руки от пыли.

– Поговорите с прислугой. Узнайте, у кого из гостей есть маскарадный костюм средневекового чумного лекаря.

– Какой именно, милорд?

– Фарфоровая маска с клювом, черный плащ и тому подобное, – говорю я. – А я пока вздремну.

– Здесь, милорд?

– Да.

Он недоуменно смотрит на меня, пытаюсь собрать воедино крупницы рассыпанной перед ним информации.

– Разжечь камин? – спрашивает он.

– Нет, мне и так хорошо, – отвечаю я.

– Как вам будет угодно, милорд, – говорит он, но не уходит.

Не знаю, чего он дожидается. Наконец он снова глядит на меня и направляется к двери; смятение тихонько крадется следом.

Я кладу руки на живот, закрываю глаза. Всякий раз, когда я засыпаю, то пробуждаюсь в ином облике. Безусловно, я рискую, покидая обличье Рейвенкорта, но понимаю, что мало чего добьюсь, пребывая в этом воплощении. Если повезет, то я проснусь и обнаружу, что прочие обличья нашли мое послание в энциклопедии, а значит, мы все встретимся.

13

День второй (продолжение)

Мучительная боль.

Я вскрикиваю, ощущаю вкус крови во рту.

– Ох, конечно же, вам очень больно, – произносит женский голос.

Шипок, укол иглы в шею. Тепло растапливает боль.

Дышать тяжело, двигаться невозможно. Не могу открыть глаза. Слышу шум колес, цокот копыт по булыжникам. Чувствую, что кто-то возникает рядом со мной.

– Мне... – начинаю я и надсадно кашляю.

– Ш-ш-ш, молчите. Вы снова дворецкий, – торопливо шепчет женщина, легонько касаясь моей руки. – Голд напал на вас минут пятнадцать назад, сейчас вас везут в сторожку.

– Кто вы... – хриплю я.

– Друг. Это пока не имеет значения. Выслушайте меня. Да, вы сейчас соображаете с трудом, но, поймите, это очень важно. В игре есть определенные правила. Менять обличья так, как это делаете вы, нет никакого смысла. Необходимо провести в одном облике целый день, то есть с момента пробуждения до полуночи. Ясно вам?

Я едва не проваливаюсь в забытие.

– Поэтому вы сейчас и стали дворецким, – продолжает незнакомка. – Если вы уснете среди бела дня в любом другом воплощении, то вернетесь в тело дворецкого, в его теперешнем состоянии. Когда дворецкий засыпает или теряет сознание, вы возвращаетесь в новое обличье. Если тот, в чьем теле вы находитесь, продолжает спать после полуночи или если он умирает, то вы принимаете новое обличье.

Слышу еще один голос. Грубый. Где-то впереди.

– Подъезжаем к сторожке.

Моего лба касается женская ладонь.

– Удачи вам.

Вконец обессилев, я проваливаюсь в темноту.

14

День четвертый (продолжение)

Чья-то рука трясет меня за плечо.

Открываю глаза, моргаю и оказываюсь в библиотеке. По-прежнему в обличье Рейвенкорта. Облегченно вздыхаю. Как я ошибался, решив, что ничего хуже этой туши быть не может! В теле дворецкого я трепыхался, будто в мешке битого стекла. Лучше всю жизнь прожить Рейвенкортом, чем еще раз испытать такие мучения. Увы, похоже, выбора у меня нет. Если верить словам незнакомки, меня снова затащит в избитое тело.

Сквозь клубы желтоватого дыма на меня глядит Даниель Кольридж. На нем тот же поношенный охотничий костюм, в котором он беседовал с Себастьяном Беллом в кабинете. С губы свисает сигарета, в руках бокал. Кошусь на часы: до обеда еще двадцать минут. Наверное, сейчас Кольридж и направляется на встречу с Беллом.

Он вручает мне бокал, присаживается на краешек стола, на котором лежит раскрытый том энциклопедии.

– Судя по всему, вы меня искали. – Даниель выпускает струйку дыма из уголка губ.

С Рейвенкортом Кольридж говорит иначе, напускное участие исчезает из голоса, осыпается змеиной чешуей. Не дожидаясь моего ответа, он читает вслух:

– «Логично предположить, что многие из вас гостят здесь дольше меня и обладают более пространными сведениями об особняке, о Чумном Лекаре и о том, зачем мы ему понадобились». – Он закрывает том. – Я откликнулся на ваш призыв.

Я встречаю его пристальный взгляд, говорю:

– Вы такой же, как и я.

– Я – это вы, через четыре дня. – Он умолкает, давая мне возможность сообразить, что это значит. – Даниель Кольридж – ваше

последнее воплощение. Точнее, наша душа занимает его тело, если так можно выразиться. И не только тело, но и ум. – Указательным пальцем он стучит себе по лбу. – А значит, мы с вами думаем по-разному. – Он берет в руки энциклопедию, снова опускает ее на стол. – К примеру, вот это. Кольридж ни за что не стал бы обращаться за помощью к другим. Хотя это прекрасная мысль. Очень логично, очень по-рейвенкортовски.

В сумраке вспыхивает огонек сигареты, освещает скудную улыбку. Этот Даниель ни капли не похож на себя вчерашнего. Он смотрит холоднее, жестче, словно бы старается пронзить меня насквозь, заглянуть в самое нутро. Когда я был Беллом, то ничего такого за ним не заметил. Зато Тед Стэнуин это сразу понял, поэтому и пошел на попятную. Похоже, этот грубиян неплохо соображает.

– Значит, вы уже были мной... то есть Рейвенкортом? – спрашиваю я.

– Да, и теми, кто будет после него, – отвечает он. – Вот с ними вы еще намучаетесь, не то что с Рейвенкортом.

– Вы потому и решили со мной встретиться, чтобы предупредить?

Его чем-то забавляет такое предположение, по губам скользит легкая улыбка, развеивается вместе с сигаретным дымом.

– Нет, потому что вспомнил себя на вашем месте. Вспомнил, как выслушивал то, что сейчас скажу вам.

– Что?

Он тянется к пепельнице в дальнем конце стола, придвигает ее к себе.

– Чумной Лекарь потребовал, чтобы вы отыскали убийцу, но не упомянул имя жертвы. Сегодня на балу погибнет Эвелина Хардкасл, – говорит он, стряхивая пепел.

– Эвелина?

Я вздрагиваю, расплескиваю на колени содержимое забытого бокала; меня охватывает паника, я волнуюсь о страшной участи моего друга, женщины, которая, несмотря на жестокое родительское обращение, сохранила человеческую теплоту и участие.

– Ее надо предупредить! – восклицаю я.

– Зачем? – спрашивает Даниель, и его спокойствие немного развеивает мои страхи. – Если убийства не будет, то убийцы нам не отыскать, а без разгадки преступления нам отсюда не выбраться.

– И вы не остановите злодея? – шепчу я, ошеломленный его бессердечием.

– Я восемь раз переживал этот день, и, что бы ни делал, результат всегда один: Эвелина погибает. – Он водит пальцем по краю столешницы. – Все, что случилось вчера, произойдет и завтра, и послезавтра. Поверьте, любое ваше вмешательство будет лишь повторением прошлого и ни к чему не приведет.

– Даниель, она мне друг, – с горячностью заявляю я, изумленный глубиной своего чувства.

– И мне тоже. – Он склоняется поближе. – Однако же, как бы я ни старался изменить ход сегодняшних событий, всякий раз становлюсь виновником тех несчастий, которые пытаюсь предотвратить. Эвелина обречена, так что не тратьте времени даром. Я попал сюда из-за обстоятельств непреодолимой силы, а вскоре на моем месте окажетесь и вы и точно так же будете все это объяснять и страдать из-за того, что не можете, в отличие от Рейвенкорта, питать бесплодные надежды на лучшее. Друг мой, наше будущее не расплывчато, а неизбежно, и мы не в силах его изменить. Так уж устроена западня, в которой мы оказались.

Он встает, дергает ржавую ручку окна, с усилием распахивает створку и глядит куда-то вдаль, где его ждет то, чего мне не понять еще четыре дня. Его совершенно не интересуют ни я, ни мои страхи, ни мои ожидания. Я – всего лишь часть давно прискучившего ему повествования.

– Но это же бессмысленно, – возражаю я, надеясь напомнить ему о достоинствах Эвелины. – Эвелина добрая и отзывчивая, ее здесь не было девятнадцать лет. Кому понадобилось ее убивать?

И тут у меня закрадывается подозрение. Вчера в лесу Эвелина рассказывала, как родители не простили ей того, что она оставила

Томаса без присмотра. Она и сама винила себя за смерть брата от руки Карвера, но родители, по ее словам, возненавидели дочь с такой силой, что собирались подстроить какую-то подлость на балу. Неужели они и в самом деле пойдут на убийство собственной дочери? В таком случае очень кстати, что я должен встретиться с Хеленой Хардкасл.

– Не знаю, – раздраженно отвечает Даниель. – Здесь столько всяких тайн, и найти среди них нужную очень непросто. Однако же настоятельно советую вам немедленно заняться поисками Анны. На первый взгляд кажется, что восемь обличей – это много, но, будь их даже вдвое больше, с этой задачей им все равно не справиться. Нам нужна помощь.

– Анна! – восклицаю я, вспомнив о незнакомке, которая сопровождала избитого дворецкого. – Это знакомая Белла?

Он глубоко затягивается сигаретой, щурит глаза, пристально глядит на меня, словно оценивая, что именно рассказать мне о будущем.

– Она, как и мы, не может отсюда выбраться, – наконец произносит он. – В данной ситуации ее можно считать другом. Анну нужно отыскать прежде, чем ее отыщет лакей. Он охотится на нас обоих.

– Вчера вечером он подбросил дохлого кролика мне в спальню, то есть в спальню Белла.

– Это пустяки, – говорит он. – Сперва он подстраивает всякие гадости, а потом пытается убить.

Меня мутит, кровь стынет в жилах. Все это я подозревал, и тем не менее равнодушное упоминание об убийстве звучит жутко. Я закрываю глаза, делаю долгий выдох через нос, стараясь избавиться от страха, – Рейвенкортова привычка, так он успокаивается, хотя я не знаю, откуда мне об этом известно.

Открываю глаза. Волнение исчезает.

– Кто он? – спрашиваю я с неожиданным упорством.

– Понятия не имею, – отвечает Даниель, выдувая дым в окно. – Будь я в самой обычной преисподней, назвал бы его дьяволом. Он поочередно избавляется от нас, его соперников, чтобы первым дать ответ Чумному Лекарю.

– У него тоже разные обличья?

– Как ни странно, нет, – вздыхает он. – Судя по всему, они ему не нужны. Все наши обличья ему известны, он нападает именно в минуты нашей слабости. К примеру, все мои ошибки он успешно обратил на пользу себе.

– Как остановить того, кому известны все наши дальнейшие действия?

– Знай я это, не беседовал бы с вами, – раздраженно произносит Даниель. – Будьте осторожны. Он блуждает по особняку, как призрак, алчущий возмездия, а если застанет вас одного... Короче, постарайтесь не встречаться с ним наедине.

Даниель мрачнеет, в голосе сквозят жутковатые нотки. Похоже, будущий я оказался во власти неведомого лакея, и это страшит больше любых предупреждений об опасности. Нетрудно понять почему. Чумной Лекарю дал мне восемь дней, чтобы найти убийцу Эвелины, и восемь обличий. Себастьян Белл проспал полночь, и теперь в его тело я больше не попаду.

Остается семь дней и семь воплощений.

Второй и третий облики – дворецкий и Дональд Дэвис. Незнакомка не упомянула Дэвиса, что весьма странно, но, очевидно, к нему применимы те же правила, что и к дворецкому. У обоих много времени до полуночи, но один жестоко избит, а другой спит где-то на дороге к Блэкхиту. Значит, на них полагаться бесполезно. Равно как и на второй, и на третий день.

В день четвертый я – Рейвенкорт, хотя от него тоже толку мало. Не знаю, чего ждать от оставшихся четверых. Даниель, безусловно, человек способный, но все равно создается впечатление, что Чумной Лекарю играет краплеными картами. Если лакею действительно

известны все мои слабости, то Бог мне в помощь, потому что слабостей у меня хватает.

– Расскажите, пожалуйста, все, что вы узнали о гибели Эвелины, – прошу я. – Может быть, вдвоем мы сможем вычислить убийцу прежде, чем лакей подстроит нам очередную пакость.

– Каждый раз она погибает ровно в одиннадцать часов вечера, – отвечает он.

– Это все, что вам известно?

– Нет, но мне не хочется рисковать, рассказывая вам обо всем. – Он с сомнением косится на меня. – Мои планы основаны на ваших дальнейших действиях. Если вы узнаете, что я собираюсь предпринять, то поступите иначе, и все остальное пойдет насмарку. Вы либо помешаете развитию событий, которые должны закончиться в мою пользу, либо окажетесь не там, где должны быть, чтобы отвлечь внимание человека, спальню которого я должен обыскать. Одно невпопад произнесенное слово разрушит тщательно подготовленную затею. А нам обоим надо добиться, чтобы день шел своим чередом. – Он усталым жестом утирает лоб. – Простите, Рейвенкорт, но вам лучше всего проводить свое расследование без посторонней помощи.

– Ну, если вы настаиваете... – вздыхаю я, надеясь не выказать своего разочарования, что само по себе глупо, ведь он – это я, и ему известно, что я чувствую. – Однако же ваш совет найти убийцу свидетельствует о том, что вы доверяете Чумному Лекарю. Вы знаете, кто это?

– Пока нет, – говорит он. – И нет, я ему не доверяю. Мне точно известно, что он преследует какие-то свои цели, и я не вижу иного выхода, кроме как согласиться на его требования.

– А он вам не объяснил, из-за чего все это с нами происходит? – спрашиваю я.

Из коридора доносится какой-то шум. Мы оба поворачиваем голову. В дверях появляется камердинер Рейвенкорта, на ходу снимает пальто, пытается высвободиться из хватки фиолетового

кашне. Он тяжело дышит, щеки припухли от холода, волосы растрепаны ветром.

– Вы за мной посылали, милорд? – спрашивает он, срывая кашне с шеи.

– Каюсь, старина, это я расстарался. – Даниель ловко входит в роль. – У вас очень много дел, вот я и подумал, что без Каннингема вам не обойтись. Кстати, и меня дела заждались. В полдень я встречаюсь с Себастьяном Беллом.

– Я не брошу Эвелину на произвол судьбы, – замечаю я.

– И я ее не бросал. – Он щелчком отправляет сигарету в сад, закрывает окно. – Только от судьбы не уйти. Будьте к этому готовы.

Широко шагая, он направляется к двери в кабинет, распахивает ее, впускает в библиотеку гомон голосов и звон посуды, проходит в гостиную. Там уже сервирован обед, а значит, Стэнуин вот-вот нагрубит служанке Люси Харпер, а Себастьян Белл будет следить за гадкой сценой, стоя у окна и чувствуя себя ничтожеством. Потом гости отправятся на охоту, Эвелина найдет записку в колодезной кладке, и чья-то кровь прольется на кладбище, где два друга будут ждать женщину, которая не придет. Если Даниель прав, то я ничем не смогу нарушить установленный распорядок, но смириться с этим я не собираюсь. Смерть Эвелины надо предотвратить, даже если ответ на загадку Чумного Лекаря – единственный залог моего освобождения. Я должен спасти Эвелину любой ценой.

– Что вам угодно, милорд?

– Ручку, чернила и бумагу. Мне нужно кое-что записать.

Он достает все из портфеля:

– Прошу вас, милорд.

Пальцы не слушаются, почерк далек от безукоризненного изящества, но послание выходит вполне разборчивым, хотя строки смазаны и покрыты кляксами.

Смотрю на часы: четыре минуты до полудня. Время поджимает.

Помахав листком, чтобы просохли чернила, я складываю письмо и вручаю его Каннингему.

– Вот, возьмите, – говорю я и замечаю следы чернил, въевшиеся в подушечки его пальцев; сами руки покраснели – видно, что он пытался их отмыть.

Он поспешно берет письмо и прячет руки за спину.

– Ступайте в гостиную, где уже собрались обедающие, – велю я. – Проследите, что там происходит, затем прочтите письмо и вернитесь ко мне.

Он недоуменно смотрит на меня:

– Милорд?

– Каннингем, нам предстоит очень необычный день, поверьте мне на слово. – Не слушая дальнейших возражений, я жестом прошу его помочь мне подняться. Встаю, невольно застонав, и продолжаю: – Исполните мое поручение, возвращайтесь в библиотеку и ждите меня.

Каннингем уходит в гостиную, а я беру трость и отправляюсь в оранжерею в поисках Эвелины.

Еще рано, гостей в оранжерее немного, дамы подходят к бару за коктейлями, млеют в креслах и на диванах в полном изнеможении, будто молодость – тяжелая обуза, а живость и резвость безмерно утомительны. Все перешептываются, обсуждают Эвелину, гаденько посмеиваются, косятся в угол, где она сидит за шахматной доской. В одиночестве, играет сама с собой, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто пытается ее смутить.

Я, тяжело переваливаясь, подхожу к ней и прошу:

– Эвелина, нам нужно поговорить.

Она медленно поднимает голову, непонимающе смотрит на меня. Как и вчера, светлые волосы стянуты в тугий хвост на затылке, отчего лицо приобретает мрачное, суровое выражение. Однако сегодня при виде меня оно не смягчается.

– Отнюдь нет, лорд Рейвенкорт. – Она снова переводит взгляд на шахматную доску. – Сегодня мне и без вас хватает неприятностей.

Сдавленный смех превращает мою кровь в прах, внутри все переворачивается.

– Прошу вас, Эвелина...

– Для вас – мисс Хардкасл, лорд Рейвенкорт, – холодно произносит она. – О человеке судят по его манерам, а не по его банковскому счету.

У меня внутри все сжимается от унижения. Вот чего больше всего боится Рейвенкорт. Стою посреди комнаты под десятками любопытных взглядов и чувствую себя христианином, которого вот-вот побьют камнями.

Эвелина задумчиво смотрит на меня. Я трепещу, обливаюсь потом. Она чуть щурится, сверкает глазами:

– Знаете что, а давайте-ка сыграем. – Она постукивает пальцем по шахматной доске. – Если выиграете вы, то мы с вами побеседуем; если выиграю я, то вы оставите меня в покое. Вас устраивает?

Я чувствую подвох, но иного выбора у меня нет. Утираю пот со лба, втискиваюсь в крошечное креслице за столиком, на радость присутствующим дамам. Пожалуй, гильотина и та удобнее. Мои тела свисают с краев кресла, низкая спинка такая хлипкая, что я дрожу от напряжения, стараясь на нее не опираться.

Эвелина, не снисходя к моим мучениям, протягивает руку к доске и передвигает пешку. Я делаю ход ладьей, вспоминаю комбинации миттельшпиля. Мы примерно равны в силах, но мне неловко и неудобно, я не могу сосредоточиться, допускаю тактические промахи. Понимая, что выиграть не смогу, изо всех сил стараюсь затянуть партию. Впрочем, после получаса разнообразных, но безуспешных маневров я не выдерживаю и говорю:

– Ваша жизнь в опасности.

Пальцы Эвелины касаются пешки и едва заметно вздрагивают, но для меня это громче колокольного звона. Она пристально смотрит на меня, переводит взгляд на дам у нас за спиной, проверяет, не слышал ли кто моих слов. Дамы озабочены лишь тем, чтобы поскорее забыть увиденное.

«Ей это уже известно».

– Помнится, лорд Рейвенкорт, мы с вами уговаривались совсем иначе, – резко обрывает она меня.

– Но...

– Вы предпочитаете, чтобы я удалилась? – Она гневным взглядом пресекает мои дальнейшие попытки заговорить.

Я продолжаю делать ходы, но так ошеломлен ее поведением, что совсем не думаю об игре. Судя по всему, Эвелине известно, что именно произойдет сегодня вечером, вот только она почему-то боится, что об этом узнает еще кто-нибудь. Я совершенно не понимаю, в чем дело. Очевидно, она не намерена довериться Рейвенкору. Он ей противен, а значит, спасти ее я смогу либо в обличье человека, который ей приятен, либо придется обойтись без посторонней помощи. Такого поворота событий я не ожидал и теперь отчаянно пытаюсь как-нибудь иначе предупредить Эвелину об опасности, но тут в оранжерею входит Себастьян Белл, и у меня возникает чрезвычайно странное ощущение. Спору нет, этот человек – я, но, глядя, как он опасливо, будто мышь по плинтусу, семенит по комнате, я не могу в это поверить. Он сутулится, прижимает руки к бокам, то и дело боязливо озирается, не поднимая головы, будто вокруг него – одни острые углы.

– Моя бабушка Хизер Хардкасл, – произносит Эвелина, заметив, что он разглядывает картину на стене. – Портрет ей не льстит, она презирала лесть во всех ее проявлениях.

– Простите, я не... – лепечет Белл.

Их разговор проходит точно так же, как вчера; ее интерес к этому убогому созданию вызывает у меня мимолетный приступ ревности, но дело совсем не в этом. Белл в точности повторяет мой день, однако же, как и я, считает, что действует по своей воле. А значит, я сейчас безвольно следую плану, разработанному Даниелем, что делает меня... Чем – отзвуком, воспоминанием или щепкой, плывущей по течению?

«Скиньте шахматную доску со стола, измените ход развития событий. Докажите свою неповторимость».

Протягиваю руку к доске, но мысли о презрении Эвелины и о смехе присутствующих дам просто невыносимы. Сгорая от унижения, резко отдергиваю руку. Ничего страшного, возможность наверняка еще представится, и тогда я ее не упущу.

Огорченный неминуемым поражением, я рассеянно делаю несколько последних ходов, с непристойной поспешностью подставляю короля под карающий меч и торопливо покидаю оранжерею. Голос Себастьяна Белла затихает у меня за спиной.

15

Как было велено, Каннингом дожидается меня в библиотеке. Он сидит на краешке кресла, в руке зажат чуть подрагивающий лист бумаги – написанное мной послание. Завидев меня, он встает. Торопясь уйти из оранжереи, я переоценил силу своих легких и теперь задыхаюсь; воздух с хриплым свистом вырывается из натруженной груди.

Камердинер не бросается мне на помощь.

– Как вы узнали, что произойдет в гостиной? – спрашивает он.

Я пытаюсь ответить, но горло пропускает либо слова, либо воздух, но не то и другое одновременно. Выбираю воздух, глотаю его полной грудью, с жадностью, как все, что делает Рейвенкорт, и смотрю в приоткрытую дверь кабинета. Я надеялся увидеть, как Чумной Лекарь беседует с Беллом, но безуспешная попытка предупредить Эвелину о грозящей ей опасности отняла слишком много времени.

Что ж, удивляться не приходится.

Еще по дороге в деревню я сообразил, что Чумному Лекарю заранее известно, где и когда со мной можно встретиться наедине, поэтому он наверняка появляется лишь там, где я не смогу застать его врасплох.

– Все случилось именно так, как вы описали, – продолжает Каннингом, изумленно глядя на листок бумаги. – Тед Стэнуин грубо обошелся со служанкой, а Даниель Кольридж его отчитал. Именно теми словами, которые вы привели. В точности теми же словами.

Я пока ничего не объясняю – он еще не прочел самую невероятную часть письма. Доковыляв до кресла, я неуклюже опускаюсь на подушки. Ноги благодарно ноют и жалобно подрагивают.

– Тут какой-то подвох, – говорит камердинер.

– Никакого подвоха.

– Даже в последней строке? Там, где вы утверждаете, что...
– Совершенно верно.
– ...что вы не лорд Рейвенкорт?
– Я не лорд Рейвенкорт.
– А кто же?
– Я не лорд Рейвенкорт. А что это вы так побледнели? Вам плохо? Налейте себе чего-нибудь.

Он покорно исполняет мое распоряжение, – очевидно, привычка повиноваться слишком сильна. Берет бокал, садится, подносит его к губам, не отводя глаз от меня. Плечи никнут, колени плотно сжаты.

Я рассказываю ему все с самого начала – от убийства в лесу и моего первого дня в обличье Белла до бесконечной дороги и недавнего разговора с Даниелем. Всякий раз, как камердинера терзают сомнения, он недоверчиво смотрит на послание. Мне почти жаль Каннингема.

- Выпейте еще, – предлагаю я, кивая на его полупустой бокал.
 - Если вы не лорд Рейвенкорт, то где же он?
 - Не знаю.
 - Он жив? – спрашивает камердинер, боясь взглянуть на меня.
 - А вам этого не хочется?
 - Лорд Рейвенкорт меня не обижает, – сердито говорит он.
- «Это не ответ на заданный вопрос».*

Я снова смотрю на Каннингема. Потупленные глаза, перепачканные чернилами пальцы, выцветшая татуировка из темного прошлого. Меня поражает внезапная догадка: он боится, но не того, что я ему рассказал. Он боится того, что может быть известно человеку, который уже прожил этот день. Он что-то скрывает, в этом я уверен.

– Каннингем, мне нужна ваша помощь, – говорю я. – Дел очень много, но в обличье Рейвенкорта я не в состоянии выполнить все необходимое.

Он одним глотком опустошает бокал, встает. От выпитого на щеках вспыхивают пятна румянца, а в голосе неожиданно прорезается

смелость.

– Сейчас я вас покину, до завтра, когда лорд Рейвенкорт... – он умолкает, подыскивая слово, – вернется.

С коротким поклоном он направляется к двери.

– По-вашему, он не откажет вам от места, когда узнает, что вы хотите от него утаить? – резко спрашиваю я; неожиданная мысль будоражит мне ум, как камень, брошенный в пруд. Если я прав и Каннингом действительно скрывает что-то постыдное, это можно и нужно обратить себе на пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Уникальный роман-загадка.

STYLIST

СЕМЬ
СМЕРТЕЙ
ЭВЕЛИНЫ
ХАРДКАСА

СТЮАРТ ТЁРТОН

Примечания

1

Изамбард Кингдом Брюнель (1806–1859) – знаменитый английский инженер-проектировщик, разработчик и строитель мостов, железных дорог, дорожных и портовых сооружений.

[Вернуться](#)